

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и риторики

**Семантика, структура и функции антропонимов
в якутских загадках**

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Направление подготовки 45.04.01 Филология
Магистерская программа: Лингвокультурология

Руководитель:
профессор кафедры общего языкознания
и риторики ФЛФ, д.ф.н., доцент
Габышева Луиза Львовна

Выполнил: магистрант 2 курса
группы М-ЛК-17
Егорова Туйара Николаевна

(подпись)

Рецензент:
профессор кафедры французской филологии
ИЗФиР СВФУ, к.ф.н.,
Заморщикова Людмила Софроновна
« ____ » _____ 2019 г.

Работа защищена
« ____ » _____ 2019 г.
протокол № _____
с оценкой _____

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	
1.1. История изучения загадки	8
1.2. Загадка: теоретические аспекты изучения	13
1.3. Имя собственное как единица языка / речи	18
1.4. Антропонимы как объект фольклорной ономастики	26
2. СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ АНТРОПОНИМОВ В ЯКУТСКИХ ЗАГАДКАХ	
2.1. Семантическая классификация имен собственных.....	35
2.2. Структурный анализ антропонимов	46
2.3. Функции имен собственных	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	62
ЛИТЕРАТУРА.....	65

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной темы исследования «Антропонимический компонент в якутских загадках: семантика, структура, функции» обусловлена повышенным вниманием современного языкознания к проблемам лингвистики текста в целом и фольклорной ономастики в частности. В настоящее время в русле антропоцентрического подхода в науке о языке имена собственные (далее – ИС) как единицы языка/речи, связанные с обозначением человека, его особенностей, его деятельности, детально изучаются по всем направлениям. Одним из ведущих направлений в исследованиях является употребление ИС в фольклорном тексте, в русле которого выполнена настоящая диссертация.

Необходимо отметить, что ИС были и являются объектом изучения самых разных научных дисциплин – истории, географии, литературоведения, этнографии, психологии, астрономии и др. Но в первую очередь и совершенно справедливо они принадлежат лингвистике и являются объектом пристального внимания и тщательного изучения ученых-языковедов.

Тематика ономастических (антропонимических) исследований чрезвычайно широка. Большое внимание уделяется исследованию русской антропонимии (А.В. Сулова, А.В. Суперанская, Н.А. Петровский, Б.О. Унбегаун, Е.С. Отин и др.). Активно ведется изучение онимов в художественном дискурсе (Ю.А. Карпенко, М.В. Горбаневский, Э.Б. Магазаник, О.И. Фонякова и др.) и фольклорных текстах (В.Я. Пропп, Н.М. Ведерникова, Э.В. Померанцева, В.П. Аникин, Е.М. Мелетинский, Т.Н. Кондратьева, Н.В. Новиков и др.).

Наиболее многочисленными являются работы, посвященные изучению ИС в отдельном произведении определенного писателя (В.Н. Михайлов, 1955; Т.Ю. Яровая, 2000; Н.В. Никитина, 2006; Л.М. Хамитова, 2007; О.Ю. Цыцыкова, 2007; Пронченко С.М. 2007, Сивцова А.А. 2008, Малютенко И.Н.

2008 и др.). Другим интенсивно развивающимся направлением исследования ИС является фольклорная ономастика (Н.И. Филиппова, 2000; Р.В. Головина, 2001; И.А. Петрова, 2001; А.Х. Гузиева, 2003; О.П. Альдингер, 2006; И.И. Гришина, 2006; О.Г. Горбачева, 2008; В.В. Филиппова, 2012 и др.).

Собирание и изучение загадок началось в XVIII веке. Во второй половине XIX века - первой половине XX века были изданы классические сводные сборники загадок И.А. Худякова (1861), Д.Н. Садовникова (1876), М.А. Рыбниковой (1932). Во второй половине XX века ими стали интересоваться лингвисты (А.И. Гербстман, С.Г. Лазутин, В.В. Митрофанова, Г.Л. Пермьяков, А. Дандис, Э. Кенгес-Маранда, Ю.И. Левин, Т.Я. Елизаренкова и В.Н. Топоров, Т.М. Николаева и др.).

Весомый вклад в изучение якутского фольклора, в том числе, загадок, внесли И.А. Худяков, В.Л. Серошевский, А.Е. Кулаковский, Г.У. Эргис. Опубликованы статьи, освещающие отдельные аспекты функционирования якутских личных имен и прозвищ (К. Ф. Гриценко, А. И. Рудных, С. Ф. Хабаровская, В.Д. Монастырев, И.П. Павлова). Историко-этнографический обзор дохристианских личных имен народов Северо-Востока России был сделан Ф.Г. Сафроновым. Структурно-семантический анализ собственных имен в олонхо был проведен Н.И. Филипповой. В.В. Филиппова интерпретировала ИС как антропоморфический код ключевых образов якутских загадок. Е.Р. Николаев исследовал структуру и семантику якутских личных имен.

Тем не менее практически неисследованным остается комплексное изучение антропонимикона якутских загадок. Поэтому **цель** данной работы – выявить структуру, семантику и функции антропонимов в составе якутских загадок. Достижение указанной цели требует решения следующих задач:

- выделить загадки с ИС и составить электронный каталог;
- классифицировать антропонимы с точки зрения семантики;
- проанализировать их структуру;
- рассмотреть функции антропонимов;

- определить их происхождение.
- **Объект** исследования - загадки с антропонимическим компонентом. **Предмет** исследования - семантика, структура и функции антропонимов в якутских загадках.

Материалом исследования послужил сборник С.П. Ойунской «Саха таабырыннара. Якутские загадки» (1975), содержащий 2855 самостоятельных паремических текстов с параллельным переводом на русский язык. Он представляет собой систематизированный свод якутских загадок, как опубликованных ранее в разных трудах и изданиях, так и хранившихся в рукописном архиве Якутского филиала СО АН. Всего нами методом сплошной выборки было выявлено 355 антропонимов в 253 паремиях.

В работе использовались описательный, структурно-семантический, этимологический методы и статистический анализ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. По происхождению антропонимы подразделяются на якутские (305), заимствованные (20) и смешанные (30).
2. В соответствии с именуемым объектом нами были выделены две основные категории ИС – антропонимы и мифонимы.
3. С точки зрения семантики, антропонимы делятся на группы, которые описывают:
 - внешний вид;
 - характер;
 - движение;
 - звуковую характеристику;
 - свето-цветовую характеристику.

Отдельно хотелось бы отметить семантику антропонимов, имеющих образную основу, поскольку они рисуют многомерную, яркую картину денотата.

4. По структуре антропонимы в загадках делятся на простые и составные.

- **Простые** антропонимы (70) состоят из одного компонента - антропонима: *Бүөтүр, Миитэрэй, Даарыйа, Кэтириинэ, Бойбоколор, Чабылыһа, Хантайаан.*

- Среди **составных** (288) антропонимов мы выделяем двухкомпонентные и трехкомпонентные.

5. Антропонимы выполняют:

- **формальную** функцию. Они являются скрепляющим элементом паремического текста и способствуют его формальной организации.

- **стилистическую** функцию. В описательной части основным стилистическим приемом выступает олицетворение (персонификация).

- **характеризующую** функцию. Большое количество ИС могут быть охарактеризованы как «говорящие». Они обнаруживают тесную связь с производными основами и обладают прозрачной внутренней формой.

- функцию **аллюзии**. Прецедентные имена нередко служат своего рода подсказкой отгадки.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и приложения.

Научная новизна работы заключается в том, что в ходе исследования впервые разработана семантическая классификация антропонимов в якутских загадках, проанализирована их структура и функции.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что его результаты могут быть использованы на семинарах и спецкурсах по лингвокультурологии, фольклористике, практических занятиях русского и якутского языков в ВУЗе и школе.

Апробация результатов исследования. Сформулированные в исследовании теоретические и концептуальные положения были изложены автором на 1 Всероссийской научно-практической конференции «Филологические науки в XXI веке», г. Якутск, 2018 г.; 2 Международных конференциях «Русистика на Северо-Востоке России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: инновационные практики», 01-20 ноября 2018 г., г.

Якутск (Россия) – г. Харбин (КНР); «Филологические науки в XXI веке», 26 марта 2019 г., г. Якутск, а также научных семинарах для магистрантов

По теме исследования опубликована статья: Егорова Т.Н. Образные антропонимы в якутских загадках // Сб. материалов IV Междунар. очн.-заоч. науч.-практ. конф. «Русистика на Северо-Востоке России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: инновационные практики» (Якутск – Харбин, 01-20 ноября 2018 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2018. – С. 62-66.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. История изучения загадки

Интерес к загадкам появился в XVIII веке. Во второй половине XIX века - первой половине XX века были изданы классические сводные сборники загадок И.А. Худякова «Великорусские загадки» (1861), Д.Н. Садовникова «Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач» (1876), М.А. Рыбниковой «Загадки» (1932).

Во второй половине XX века началось активное изучение загадок. Ими стали интересоваться лингвисты, причем к ней обратились как ученые традиционного направления, так и структуралисты, семиотики, паремиологи. Были сделаны интересные, новые наблюдения над поэтическим миром и художественной формой загадок, их связью с мироведением и мировидением народа.

А.И. Гербстман в работе «О звуковом строении народной загадки» (1968) исследовал закономерности отгадочной звукописи русского, украинского и белорусского фольклора. С.Г. Лазутин занимался изучением метафоры как основного стилистического приема, используемого в загадках «Метафоры в загадках (принципы их создания, виды и идейно-эстетические функции)» (1976).

Особое место занимает монография В.В. Митрофановой «Русские народные загадки» (1978), в которой она рассмотрела жанровое своеобразие загадки, ее отношение к исторической и социальной действительности, поэтическую структуру, место и взаимоотношения в системе других фольклорных жанров.

В 60-90-е гг. XX века начало развиваться структурно-семиотическое направление в изучении загадок, одним из основоположников которого по праву считается Г.Л. Пермяков. В 1969 г. была основана серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока», в которой важные

проблемы фольклористики рассматривались не только на восточном материале, но и с привлечением устного наследия других регионов.

В 1978 г. вышел в свет «Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст)», посвященный проблемам внешней и внутренней организации паремий, в частности, общей теории и классификации пословиц, структурному исследованию загадок. Для нас особый интерес представляют работы А. Дандиса, Э. Кенгес-Маранда, Ю.И. Левина.

В 1984 г. появился сборник «Паремиологические исследования». Он освещает круг проблем, касающихся как теории паремиологии, так и конкретного анализа отдельных жанров и традиций (статьи Т.Я. Елизаренковой и В.Н. Топорова, М.А. Черкасского, Г.Л. Пермякова, Ю.И. Левина и др.).

В 1994-1995 гг. Институтом славяноведения и балканистики РАН была издана коллективная двухтомная монография «Исследования в области балтославянской духовной культуры. Загадка как текст» под редакцией Т.М. Николаевой. В первом томе рассматривается генезис, структура и язык загадки, ее отношение к пословице, заговору, другим видам паремий, исследуются прагматические аспекты жанра. Во второй том вошли работы, связанные с космологической загадкой и мировым деревом, а также статьи, посвященные сопоставительному анализу загадки и иных малых фольклорных жанров.

Что касается якутских загадок, первые письменные сведения о них появились в середине XIX века в трудах О.Н. Бетлингга «О языке якутов» (1851) и Р.К. Маака «Виллойский округ Якутской области» (1887). Особое место среди ранних изданий принадлежит «Верхоянскому сборнику» И.А. Худякова (1890), куда, наряду с якутскими сказками, песнями и пословицами, вошли 320 загадок в русском переводе. В 1935 г. был образован Научно-исследовательский институт языка и культуры ЯАССР, куда стали стекаться рукописные записи энтузиастов-любителей А.И.

Кондакова, Т. Васильева, П.В. Слепцова, Н.Д. Неустроева, И.В. Попова и других. Фонд института регулярно пополнялся также материалом, собранным во время фольклорных и диалектологических экспедиций. [Ойунская, 1975: 7].

Якутскими загадками, как фольклорным жанром, интересовался Г.У. Эргис. Кандидатские диссертации были защищены С.П. Ойунской (1986), В.В. Филипповой (2012).

С.П. Ойунская занималась вопросами структурной систематики, национального своеобразия и средствами художественного воплощения якутских национальных загадок. Она, также как и другие паремиологи, отмечает метафоричную природу загадки, замещение одного предмета другим по сходству и действию, уподобление неживых предметов живым. По словам С.П. Ойунской, метафора воплощается в художественный образ при помощи образных слов, сказочных и мифологических имен, звукоподражаний и т.п. [Ойунская, 1992:19].

Для нашего исследования важным является ее положение, что образные слова фигурируют как собственные имена или прозвища, подчеркивая какой-либо характерный признак загадываемого денотата. Они создаются народными авторами «только и единственно для данного случая», и играют определяющую роль, но перевести дословно их невозможно. «Имена, данные без перевода, ни о чем не говорят иноязычному представителю. Но в контексте оригинала они (*Чамаан, Эргэл-Дьэргэл*) несут образную и эмоциональную характеристику, передавая динамичность явления – оно «прыгуче», «пестро», «видимо, да неуловимо» [Ойунская, 1992:20].

Семиотический аспект изучения якутских фольклорных текстов на материале языка и культуры предложен Л.Л. Габышевой (2003). Автор раскрывает семантику и семиотические функции ключевых слов и символов культуры якутов, реконструирует некоторые аспекты мифопоэтической картины мира с привлечением обширного сравнительно-исторического и

фольклорного материала, в том числе и корпуса якутских загадок.

Н.И. Филиппова провела комплексное лингвистическое исследование собственных имен персонажей олонхо и их структурно-семантический анализ. В результате ею были выявлены наиболее характерные лексико-семантические группы, образующие основу имен: названия небесных тел и природных стихий, названия зверей и птиц, названия масти и цвета, названия металлов и камней, образные и звукоподражательные слова, слова-характеристики и т.д. [Филиппова, 2013:53-73].

С точки зрения структуры, собственные имена персонажей олонхо обычно состоят из трех основных компонентов: эпитет (преномен), основное имя (номен), показатель (постномен) (родовой, социальный, возрастной и т.д.) [Филиппова, 2013:24]. Отличительными чертами природы эпических имен Н.И. Филиппова называет их формульность, описательную образность, конкретность и детализацию определений. Еще одним отличием олонхо является большое количество собственных имен и частотность их употребления.

В.В. Филиппова в работе «Якутские загадки: семантика и структура» на основе системного анализа раскрыла ключевые образы «загадочного» текста, расшифровала денотаты с помощью анатомического, числового и цветового кодов, проанализировала своеобразие звукописи и художественную организацию паремий. В первой главе она пишет, что персонификация денотата и наречение его определенным именем является одним из основных способов загадывания, с помощью которого создается особый художественный образ. В загадках антропонимы в большинстве случаев «говорящие», поэтому функцией имени собственного является выведение на первый план одной из ключевых особенностей загаданного объекта [Филиппова, 2012: 21-22].

В фольклористике происхождение загадок связывают, прежде всего, с так называемой тайной речью. В якутском языке есть обычай *харыстаан ааттыы* – традиционное правило предостережения, в соответствии с

которым якуты некоторые предметы не называют своими настоящими именами, а дают другие названия и имена. “Тайный” язык использовался чаще всего охотниками, так как считалось, что духи и звери могут услышать охотничьи “секреты”. Например, лошадь называли *далаһа – мостик*, топор – *киргил- дятел*, медведя – *тыатаабы – лесной*, *тыа иччитэ*, *тыа тойоно – хозяин леса*, *хара – черный*, волка – *уһун кутурук – длинный хвост*, лось – *күлүктээх – тенистый*, собаку – *бөх – мусор* и т.д. [Эргис, 2008: 356-357; Ойунская, 1975: 10].

Загадки – один из самых древних и самобытных малых жанров устного народного творчества. Их тематика разнообразна, народ создает образы всего, что его окружает, что он может видеть, слышать и ощущать. Загадки содержат этнографические сведения о быте и трудовой деятельности человека, отражают его мировосприятие и художественно-эстетические вкусы [Ойунская, 1975: 8-9].

Содержание загадок очень богатое. Сами якуты группируют свои загадки по признаку отношения отгадываемого предмета или явления к чему-нибудь. Отгадывающий обычно спрашивает у загадчика: “*Туохха эмтээбий* или *туохха сыһыаннаабый? – К чему относится?*”. Загадчик отвечает: “*Тыыынар тыыннааха эмтээх – к живому существу имеет отношение*”. Таким образом получается своеобразная классификация загадок по отдельным темам [Эргис, 2008: 358].

Как верно подметил Г.У. Эргис, загадки очень устойчивы, но в то же время в них часто происходит изменение порядка слов, замена имен, названий, эпитетов и сравнений в зависимости от фантазии и воли загадывателя [Ойунская, 1975: 8].

Загадка по-якутски называется *табырын* от глагола *таай – отгадывать, разгадывать*. Свидетельством древности термина *таабырын* может являться тот факт, что в бурятском, монгольском и эвенкийском языках загадка называется почти таким же словом, как и в якутском. Так,

загадка по-бурятски – *таабаринууд*, по-монгольски – *табабурин*, по-эвенкийски – *тавивка*, *тагилкавун* [Эргис, 2008: 356; Ойунская, 1975: 9].

Загадки возникли как вербализованный опыт интерпретации феноменов Макрокосмоса через антропоцентрические феномены бытия Микрокосмоса (В.Н. Топоров, Т.Я. Елизаренкова, В.В. Иванов).

Предпочтение отдается одушевленным предметам, но и неодушевленные говорят и двигаются, т. е. в загадках велика роль олицетворения. Об этом писала М. Л. Рыбникова, отмечавшая, что в загадках предметы находятся в движении, говорят, действуют, трудятся. Действительно; топор в загадках «в лес идет», «клапается», пила «ест и жует», лапша «сидит на ложке». Кроме того, в большинстве загадок о неодушевленных предметах замещающее слово обозначает одушевленный предмет: морковь – красная девица, ведра – братья, мялица для лыпа – собака [Рыбникова, 1932: 24-25].

«Во многих загадках слова-замены, кажущиеся бессмысленными, обусловлены промысловыми и бытовыми запретами, тайной речью» [Митрофанова, 1968: 111].

В.В. Митрофанова пишет, что В. П. Аникин объяснял возможность нескольких отгадок одной загадки таким образом: «Это явление объясняется не только естественным сходством предметов, но и свободой условных определений, принятых в древней иносказательной речи: одно и то же слово могло быть отнесено в зависимости от обстоятельства к разным предметам. Таким образом, соотнесенность загадочного образа с разными предметами — исконное явление в истории загадок» [Митрофанова, 117].

1.2. Загадка: теоретические аспекты изучения

Загадка – малый фольклорный жанр, который рассматривает предметы в «их частном бытии», она «или вскрывает происхождение предмета, или его функцию, или же дает всю его биографию, с начала и до конца его бытия» [Рыбникова, 1932: 17].

Существуют различные взгляды на природу загадки. П. Г. Богатырев, определяя этот малый жанр фольклора, пишет: «Загадка представляет собой иносказательное изображение предмета или явления, которое предлагается отгадать» [Богатырев, 1971: 91]. Фольклорист В. И. Чичеров определяет загадку как «иносказательное описание какого-либо предмета, данное обычно в форме вопроса» [Чичеров, 1959: 322]. Ю. М. Соколов в первом издании «Большой советской энциклопедии» приводит следующую формулировку паремии: «Замысловатый вопрос, выражаемый обычно в форме метафоры» [Соколов, 1932: 757]. Во втором издании «Большой советской энциклопедии» загадка характеризуется как «краткое иносказательное описание какого-либо предмета или явления, данное обычно в форме вопроса» [БСЭ, 1952: 251]. В третьем издании «Большой советской энциклопедии»: «Загадка – жанр народнопоэтического творчества у всех народов мира, поэтическое, часто иносказательное описание какого-либо предмета или явления» [БСЭ, 1972: 270].

В.В. Митрофанова посвящает определению жанра загадки отдельный одноименный раздел в своей монографии, в котором анализирует дефиниции данного вида устного народного творчества. Она определяет загадку как «краткое, требующее отгадки, опирающееся на иносказание (чаще всего метафору во всех ее проявлениях) поэтическое произведение о явлениях природы и предметах, окружающих человека в его повседневной жизни и труде» [Митрофанова, 1978: 133]. Автор приходит к выводу, что загадку чаще всего рассматривают как «иносказательный, замысловатый поэтический вопрос, требующий ответа; иносказательное, замысловатое поэтическое описание предмета; или и вопрос, и описание» [Митрофанова, 1978: 43].

Известный фольклорист В. П. Аникин пишет, что «загадка – жанр народнопоэтического творчества у всех народов, иносказательное замысловатое поэтическое описание какого-либо предмета или явления, испытывающее сообразительность отгадывающего». По В.П. Аникину,

загадка – 1) «мудреный вопрос, поданный в форме замысловатого, краткого, как правило, ритмически организованного описания какого-либо предмета или явления»; 2) «поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность» [Аникин, 1957: 54-56].

И. М. Колесническая, автор раздела о загадках в нескольких учебных пособиях, указывает: «Загадка как художественное произведение устного народного творчества представляет собой иносказательное изображение какого-либо предмета или явления на основании черт сходства между скрытым предметом и тем, который его заменяет в загадке» [Колесническая, 1971: 207].

Согласно А.П. Квятковскому, «загадка – замысловатое поэтическое выражение, в котором признаки отгадываемого предмета даны в зашифрованном, уводящем в сторону виде. Загадка является своеобразной формой отстранения и строится обычно на принципе замедленной метафоры (вернее, симфоры), каламбурного алогизма и затрудненного параллелизма... Часть народных загадок построена в форме «каверзных вопросов» [Квятковский, 1966: 110-111].

Логико-семантический подход позволил проникнуть во внутреннюю, формальную и содержательную структуру загадок, определив их значение в реконструкции модели мира и выявлении глубинного мифологического уровня [Цивьян, 1984: 10-12].

Один из основоположников структурной паремиологии, Г.Л. Пермяков, считает, что существуют универсальные логические модели загадок, на которых основывается все их бесконечное разнообразие внешней и внутренней языковой структуры. Соответственно, модели, по которым построены загадки, и логические приемы их разгадывания могут служить основой для их классификации [Пермяков, 1984: 98].

В. Н. Топоров полагает, что исходным локусом загадки является некий текст, понимаемый как целое, а «отдельная загадка не более чем отпавший от сакрального целого тела его профанизированный член» [Топоров, 2006: 472]. Загадка, по В. Н. Топорову, имеет вопросно-ответный характер, и основу ее составляет именно вопрос.

В работе о ведийской загадке типа *brahmodya* Т.Я. Елизаренкова и В.Н. Топоров уточняют, что «загадка предполагает не любой вопрос, а лишь вполне определенный, ограничиваемый сферой сакрально-значимого, что загадка существует в том смысле, что её итог – открытие нового» [Елизаренкова, Топоров, 1984: 15]. Далее они пишут, что ответы загадок «отсылают к алфавиту мира (набор сакрализованных объектов, описывающих мир в его настоящем составе и в его становлении в рамках космогенеза), а последовательность ответов – к иерархическому устройству мира [там же: 23].

Согласно Ю.И. Левину, с точки зрения семантической структуры, загадка – это текст, денотатом которого служит некоторый объект, в самом этом тексте явно не названный и исчерпывающим образом не описанный. Обязательной функцией данного текста является побуждение адресата назвать денотат [Левин, 1978: 283].

Ю. И. Левин вводит термин *point*, обозначая им структурное начало загадки, т.е. то, что выделяет ее из обычных фраз, делая художественно значимой. Кроме того, он различает, с одной стороны, семантический и фонетический *point*'ы, с другой – внутренний (основанный на внутритекстовых отношениях, семантических или фонетических, безотносительно к отгадке) и внешний (основанный на отношении текста загадки к ее отгадке) *point*'ы. Загадка обладает такими свойствами, как структурность (построена с использованием формальных семантических механизмов) и нереалистичность (описывает невозможную или неправдоподобную ситуацию), каждое из которых и формирует внутренний *point*. Отмечается и существование загадок, которые внутренним

семантическим point'ом не обладают («реалистические» и нейтральные загадки). [Левин, 1978: 293–296].

По мнению Т.В. Цивьян, «загадка – единый текст, описывающий картину мира; словник корпуса загадок соответствует алфавиту модели мира». Основным отличительным свойством этого макро-текста является то, что можно назвать «осколочностью»: каждая его единица, т.е. каждая загадка самодостаточна, независима. Загадка автономна: она представляет самое себя, она представляет весь корпус в целом, но при этом может быть отъединена от других загадок, т.е. от других элементов текста [Цивьян, 1994: 179].

А. Дандис классифицирует загадки как вербальные высказывания, содержащие один, два или более дескриптивных элементов, которые могут находиться в оппозиции, и референт их должен быть отгадан. Дескриптивный элемент – это минимальная единица, которая состоит из «темы» и «толкования». В статье «О структуре пословицы» А. Дандис отмечает структурную похожесть пословиц и загадок. В неопозитивных изречениях подчеркиваются определяющие признаки на основе их уравнивания. В оппозитивных – контрастные, где противопоставление имеет антитетическую, привативную или казуальную формы [Дандис, 1978: 21-33].

Э. Кенгес-Маранда считает, что «теоретическое определение загадки не является необходимым для идентификации жанра», так как «существует полное согласие между народом и специалистами в отношении того, что такое загадка» [Кенгес-Маранда, 1978: 251]. При этом она определяет загадку как «структурную единицу, всегда состоящую из двух компонентов – образной части и отгадки, обе части которой закодированы в соответствии с принятым наименованием жанра» [там же: 253]. Финский лингвист подчеркивает, что нельзя анализировать образную часть загадки в отрыве от отгадки: «Между собственно загадкой и отгадкой существует тесная связь, как между альтернативными отгадками одной и той же загадки. Можно показать, что отгадка участвует даже в формировании стилистических черт,

определяющих описательную часть загадки, таких, как аллитерация, рифма или отбор согласных в словах» [там же: 252].

Каждая загадка может быть записана в форме логического высказывания определенного типа. Структурными элементами загадки являются: явный термин (метафора загадки), скрытый термин (ответ), постоянная посылка (она верна как для явного термина, так и для скрытого и является константой), явная переменная посылка (она указывает на то, что явный термин не должен быть признан истинным и что в процессе поисков должен быть обнаружен скрытый термин), скрытая переменная посылка (необходима, чтобы сообщить отгадывающему, что в образной части что-то не так), которая никогда не выражена словесно [там же: 257-260].

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках логико-семантического подхода к анализу паремий исследователи сходятся во мнении, что загадка является текстом. Благодаря развитию структурной паремиологии во второй половине XX века изменилось отношение к пословицам и загадкам, которые традиционно рассматривались как «предельно простые, если не примитивные» малые жанры фольклора, играющие «второстепенную роль необязательного украшения или не вполне точной информации» [Цивьян, 1984: 10-11].

1.3. Имя собственное как единица языка / речи

ИС являются объектом изучения не только лингвистики, но и других научных дисциплин - истории, географии, литературоведения, этнографии, психологии, астрономии и т.д. В первую очередь к ним приковано пристальное внимание ученых-языковедов. Недаром В.А. Никонов, один из основоположников ономастики в России, подчеркивает, что «имя – это слово и, как все слова, подчиняется законам языка, то есть подлежит ведению языкознания» [Никонов, 1974: 6].

Тематика ономастических (антропонимических) исследований чрезвычайно широка. Большое внимание уделяется русской антропонимии (А.В. Сулова, А.В. Суперанская 1978, 1981, Н.А. Петровский 1984, Б.О. Унбегаун 1989, Е.С. Отин 2005 и др.). Многие исследователи занимаются изучением перехода собственных имен в нарицательные (И.Ф. Гибадуллина 2003, Л.Н. Исакова 2004, Е.В. Кравченко 2004, А.В. Аксенова 2005 и др.). Изучаются словообразовательные (В.Н. Чижова 1997), синтаксические свойства ИС (О.И. Соколова 2003). Всесторонне разрабатываются литературные онимы (Ю.А. Карпенко 1986, О.И. Фоякова 1990). Ведется активная разработка онимов на материале русского, английского, немецкого, французского, португальского и других языков (Л.Г. Шеремет 1984, И.Н. Заверюха 2000, А.А. Чернобров 2002, Л.Н. Гусарова 2005, Л.С. Красноперова 2004 и др.).

Наиболее многочисленными являются работы, посвященные изучению ИС в отдельном произведении определенного писателя (В.Н. Михайлов, 1955; Т.Ю. Яровая, 2000; Н.В. Никитина, 2006; Л.М. Хамитова, 2007; О.Ю. Цыцыкова, 2007; Пронченко С.М. 2007, Сивцова А.А. 2008, Малютенко И.Н. 2008 и др.).

Изучением имен, их историей, развитием и функционированием занимается ономастика. Термин «ономастика» используется в двух значениях. Во-первых, это – наука, изучающая имена собственные, во-вторых – сами имена [Суперанская, 1973: 5]. Исследователи подчеркивают междисциплинарный характер ономастики, обусловленный комплексным характером ее предмета [Суперанская, 1973: 7; Бондалетов, 1983: 3]. Ономастика имеет ряд разделов, которые в соответствии с именуемым объектом изучают антропонимы, топонимы, космонимы, зоонимы, мифонимы, космонимы, этнонимы и т.д. Наиболее изученными категориями имен являются антропонимы и топонимы.

В.А. Никонов пишет, что «собственные имена образуют в языке особую подсистему, в которой и общезыковые законы преломляются

специфически, и возникают свои закономерности, которых нет в языке вне ее» [Никонов, 1974: 6]. Одной из главных проблем в изучении ИС является структурно-языковая (семантическая) природа онимов, в связи с чем ставится вопрос о наличии / отсутствии у них лексического значения.

Традиционно выделяют два противоположных подхода к рассмотрению природы его значения.

Сторонники первого из них придерживаются взгляда, идущего еще от Дж. Ст. Милла, об «асемантической» ИС (Б. Рассел, А. Гардинер, В. Брэндаль, Э. Бойсеенс, Л. Ельмслев, Е. Курилович, А.А. Уфимцева, Н.И. Толстой). По их мнению, ИС – это своего рода «ярлыки», «метки», которые помогают всего лишь узнать предмет или отличить его от других. Они не «коннотируют», т.е. не имеют значения. Соответственно, онимы являются «лексически неполноценными, ущербными» единицами.

Противоположный взгляд на ИС, как на наиболее «семантически нагруженные» слова, идущий еще от древнегреческих философов, высказал Х. Джозеф (Г. Фреге, Г. Крипке, М. Бреаль О. Есперсен и др.). Отличительным признаком онимов является отнесенность к определенному объекту, «гипертрофированная номинативность» и обусловленная ею особая конкретность [Бондалетов, 1983: 22].

Согласно этой концепции «собственно языковое значение подменяется энциклопедическим значением, или информацией о называемом предмете. Между тем, подчеркивает В.Д. Бондалетов, это два разных типа значения слов, о чем еще в прошлом веке писал замечательный отечественный филолог А. А. Потебня, предложивший для обозначения языкового значения термин «ближайшее значение слова», а для энциклопедического — «дальнейшее значение слова» [Бондалетов, 1983: 25].

Как пишет В.Д. Бондалетов, правильно подмечая специфику имени собственного в его значении, исследователи расходятся в ее толковании. Это произошло из-за того, что Дж. Ст. Милль и его многочисленные последователи анализировали языковое значение ИС, не обращая внимания

на их реальную (речевую) жизнь. Другие рассматривали онимы исключительно как единицы речи, игнорируя их языковой статус, т. е. их место и значение в языке как коммуникативно-знаковой системе [Бондалетов, 1983: 24].

Эту точку зрения разделяет А.В. Суперанская, которая объясняет отсутствие единой, общепринятой концепции ИС различием исходных положений и методов их создателей, а также тем, что поиски велись в диаметрально противоположных направлениях [Суперанская, 1973: 88].

По мнению А.В. Суперанской, основным в ИС является их особое положение в языке, приложимость к индивидуальным объектам, выделяемым из ряда подобных, единичность ассоциаций имя-вещь, употребление имён в особых, частных значениях при отсутствии у них общего значения, соотносимого с понятием, как это типично для нарицательных, или общих имён» [Суперанская, 1973: 46].

Тем не менее, согласно В.Д. Бондалетову, исследователи единодушны в следующих утверждениях касательно ИС:

1. ИС являются единицами языка, чаще всего — словами и потому должны рассматриваться как вполне законный объект языкознания; их анализ с философских, логических, психологических и иных позиций не заменяет их лингвистической характеристики, которая лучше других способна выразить их языковую сущность.

2. ИС относятся к номинативным, а не коммуникативным единицам языка и входят в большинстве языков мира в класс конкретных имен существительных (или субстантивов).

3. Специфика ИС заметна как на уровне языка — при их рассмотрении «вообще», вне конкретного употребления, так и на уровне речи — в конкретных контекстах и ситуациях.

4. Специфика ИС касается и его структурно-языковой стороны, и функциональной.

5. В структурно-языковом плане специфика ИС дает себя знать обычно в области семантики (поэтому многие ученые имя собственное считают лексической, а не лексико-грамматической и тем более не грамматической категорией) и в меньшей степени в области морфологии (включая словообразование) и синтаксиса.

6. Внимание к функциональной стороне имен собственных позволило выделить свойственные им (только им или одновременно и им, и именам нарицательным) следующие основные функции: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую. В качестве второстепенных называются функции: социальная, эмоциональная, аккумулятивная, дейктическая (указательная), функция «введения в ряд», адресная, экспрессивная, эстетическая, стилистическая.

7. Ответ на вопрос о размежевании имен нарицательных и собственных может дать лишь всестороннее изучение ИС, в частности анализ признаков, объединяющих их с нарицательными существительными, а также с другими частями речи, т. е. со всеми нарицательными (особенно местоименными, междометными и др. словами), и – особенно тех признаков, которые отличают, дифференцируют их от нарицательных.

В.Д. Бондалетов, подводя итоги анализа существующих в лингвистике взглядов на сущность ИС, приходит к выводу, что значение слова - это то его содержание, которое приблизительно одинаково понимается и говорящим и слушающим и включает в свой состав три типа отношений: денотативное, сигнификативное и структурное.

ИС, будучи единицей языка - словом или функционально сходным с ним словосочетанием, обладает всеми названными типами отношений - денотативным, сигнификативным и структурно-языковым, однако их качества в собственном имени несколько своеобразны по сравнению с соответствующими компонентами значения нарицательных [Бондалетов, 1983: 26-27].

По словам А.В. Суперанской, специфика сигнификативного компонента значения ИС заключается в том, что его связь с понятиями именуемых объектов опосредована через предмет. Связь же их с самими предметами, т.е. денотативное отношение, значительно сильнее, чем у обычных знаков. [Суперанская, 1973: 135-136].

ИС отличается от нарицательного и особенностью лексических парадигм. Оно, как правило, не имеет сопряженных с ним глагола и наречия; а прилагательное от той же основы отличается от обычных прилагательных спецификой своего образования и значения. Например: *лев – львиный, по-львиному; Львов – львовский, львовцы, по-львовски* [Суперанская, 1973: 105].

По характеру соотношения с денотатом ИС делятся на «воплощенные» и «развоплощенные» в терминологии А. Гардинера. Воплощенные, или «телесные» имена прикреплены к определенным лицам, местностям и т. д. (Вильям Шекспир, река Темза), Развоплощенные, или «бестелесные» имена рассматриваются вне связи с конкретными лицами или топообъектами (Вильям как личное имя вообще) [Бондалетов, 1983: 13].

По мнению лингвиста М. И. Стеблина-Каменского, изучавшего ономастическую лексику на материале исландской литературы, исторически первичны «воплощенные» названия. Их «развоплощение» произошло позднее. Он предполагает, что в древнеисландском «развоплощенных» собственных имен вообще не было. Всякое имя собственное всегда подразумевало определенный денотат [Стеблин-Каменский, 1974: 105].

Т.А. Ненашева рассматривала семантическую структуру ИС, в том числе и прозвищных антропонимов. По ее мнению, семантика прозвищных антропонимов, как единиц вторичной номинации, обусловлена их мотивированностью. Мотивированность, скрытая или явная, определяет функционирование прозвища в качестве характеризующего имени [Ненашева, 2012]. Об этом же говорила и А.В. Суперанская: «Когда имена создаются вновь – прозвища, топонимы и т.п., они нередко оказываются своеобразными характеристиками [Суперанская, 1973: 238].

Если в нарицательном слове мотивация только облегчает его понимание, то в прозвищном антропониме она составляет семантическое ядро [Ненашева, 2012: 91].

Согласно Т.А. Ненашевой, выделение прозвищем какого-либо аспекта номинируемого лица (внешность, черты личности, эпизода из жизни) и фиксация конкретной различительной черты внутри этого аспекта приводит к экспликации того или иного признака [Ненашева, 2012: 92]. В.А. Маслова считает, что признак, лежащий в основе номинации, не обязательно является существенным; он может быть попросту ярким, бросающимся в глаза.

Степень экспликативности различается в зависимости от мотивировочного признака антропонима. Высока степень экспликативности в прозвищах, данных по физическим характеристикам лица. Явную мотивацию имеют имена, эксплицирующие какой-либо характерный внешний признак денотата: *Pepper, Rusty, Reddy*, эксплицирующие характерный признак 'рыжие волосы', *Little One, Short Stuff* – 'маленький рост', *Long John, Lanky, Matchy* – 'высокий рост', 'худоба', *Fatso, Balloon* – 'полнота' и т.п. Следует отметить, что физические признаки, выделяющие человека и отличающие его от других, являются наиболее привлекательными видами мотивации для прозвищной номинации [Ненашева, 2012: 93].

Т.А. Ненашева заявляет, что любой физический недостаток обязательно найдет отражение в прозвище: *Three Finger Brown, Airplane Ears, Peg Leg Peter, Cock-Eye* [там же].

Что касается прозвищ, данных по черте характера, поведению, манерам, их содержание может быть как эксплицитным, так и имплицитным. Явную мотивацию содержат антрополексемы *Grumpy* 'сварливый', *Windy* 'несерьезный, болтливый', *Cabby* 'словоохотливый, разговорчивый', позволяющие судить о характере эпонимов даже без соответствующей фоновой информации. Другие прозвища менее информативны, но все же позволяют догадаться о мотивировке: *Beebor* 'спортсменка, любившая джаз' [там же].

Далее Т.А. Ненашева рассуждает о коннотативном значении и его компонентах в семантической структуре прозвищного имени. Она выделяет аксиологические (оценочные), стилистические и ассоциативные оттенки коннотации. Под аксиологическими коннотациями обычно понимают эмоционально-оценочное значение слова, так как эмоция и оценка в языке тесно связаны. Стилистическое значение, детерминированное отнесенностью лексемы к тому или иному субъязыку, обусловлено функционально-стилистической маркированностью слов, использующихся для прозвищной номинации. Дополнительное значение, возникающее на базе ассоциаций антропонима, является его ассоциативным признаком. Ассоциации ИС подразделяются на два основных типа: лингвистические, возникающие на основе сходства звуковой формы имени с другими языковыми единицами и экстралингвистические, основанные на фоновых знаниях о денотате [Ненашева, 2012: 47-48].

Как считает Т.А. Ненашева, оценочность заложена в самой природе прозвищных антропонимов, поэтому в их семантике содержится оценочная сема положительной или отрицательной оценки. Оценочный и дескриптивный аспекты значения тесно связаны, совмещены в языковой единице. Исследователи отмечают сложное взаимодействие субъективных и объективных свойств в оценочных структурах, трудность дифференциации собственных свойств объекта и признаков, которые им приписывает субъект оценки [Ненашева, 2012: 99-100].

Оценочные коннотации прозвищных антропонимов возникают вследствие привлечения номинаций внимания к определенному недостатку или достоинству лица, событию, оцениваемому обществом как положительное или отрицательное: *Cock-eye* 'дефект внешности' [Ненашева, 99-100].

По мнению Т.А. Ненашевой, ряд прозвищ носит ласкательный характер вследствие употребления уменьшительных суффиксов. В прозвищах употребление этих суффиксов имеет значение не уменьшительности, а

служит для выражения эмоционально-оценочного отношения [Ненашева, 2012: 104].

Употребление прилагательного *old* 'старый' в прозвищах, так же как и существительного *uncle* 'дядя' всегда создает дружелюбно-фамильярное значение [Ненашева, 2012: 105].

По словам Т.А. Ненашевой, прозвища, описывающие физический недостаток или отрицательную черту поведения или характера, имеют отрицательную коннотативность. Они носят фамильярно-насмешливый характер, но во многих случаях дерогаторность смягчена уменьшительным суффиксом. Что касается прозвищ, мотивированных характерными особенностями внешности, они тоже могут коннотировать сему отрицательной оценки. Высокий или маленький рост, худоба, полнота, рыжие волосы - эти признаки известного отклонения от нормы чаще всего служат объектом насмешек [Ненашева, 2012: 107].

Стилистическая окрашенность прозвищных имен характеризуется лексикой коллоквиального *Gabby разг.* 'словоохотливый, разговорчивый', *Corky разг.* 'живой, веселый', *Grumpy разг.* 'сердитый, сварливый' и субколлоквиального стиля *Slats слэнг* 'ребра', *Snookie* от *snook слэнг.* 'нос', *DudBascomb* от *dud слэнг* 'неудачник'. Стилистическая сниженность антрополексем придает грубовато-фамильярный характер [Ненашева, 2012: 98].

1.4. Антропоним как объект фольклорной ономастики

Фольклорная ономастика является одним из направлений, интересующихся особенностями ИС в текстах народного творчества. Достаточно подробно подверглись изучению онимы в сказках, былинах, пословицах и поговорках, фразеологизмах на материале разных языков (Р.В Головина 2001, И.А Петрова 2001, А.Х. Гузиева 2003, О.П. Альдингер 2006, И.И. Гришина 2006, О.Г. Горбачева 2008, И.Е. Пенская 2008, Е.А. Хамаева

2011 и др.). Существуют широко известные труды, посвященные проблеме функционирования ИС в русском и славянском фольклоре (В.Я. Пропп 1946, В.П. Аникин 1957, Т.Н. Кондратьева 1967, Н.И. Толстой, С.М. Толстая 2013, В.Н. Топоров 1974, А.В. Юдин 2007 и др.).

В тюркологии есть отдельные работы, занимающиеся исследованием фольклорных личных имён. Ещё в 1888г. был издан лексикографический труд Н. Ф. Катанова «Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым» [Катанов, 1888]. В указателе описываются традиционные эпитеты имен и функции фольклорных героев.

Г. З. Дарзаманова в работе «Фразеологические единицы и поговорки с антропонимами в русском, татарском и английском языках» в сопоставительном аспекте рассматривает антропонимы и особенности их функционирования в составе данных образований [Дарзаманова, 2002]. В работе А. Р. Биктимировой «Лингвистическая и ономастическая поэтика татарских народных песен» впервые проанализирован ономастикон татарских народных песен [Биктимирова, 2003]. В центре исследования Ф. Р. Халыгова «Фольклорная ономастика азербайджанского языка» находятся онимы разных фольклорных жанров: дастанов, народных сказок, легенд, поговорок и др. [Халыгов, 2004]. С. Е. Керимбаева в работе «Ономастическая экспликация мифологической модели мира казахского языка» исследовала особенности собственных имён в фольклорных текстах, которые отражают образы этнически обусловленной мифологической картины мира [Керимбаева, 2004].

Стоит отметить работу Д. М. Керимбаева «Состав и этнолингвистическая характеристика собственных имён казахского фольклора» (2004), в которой собственные имена представлены как знаки, сохранившие отголоски архаических культовых, языческих и религиозных смыслов [Керимбаев, 2004]. Значимость работы Д. М. Токмашева «Антропонимы в шорском героическом эпосе: сравнительно-исторический

аспект» определяется изучением шорских эпических имен и имен персонажей эпоса близкородственных тюркских народов Саяно-Алтая – алтайцев, хакасов и тувинцев в сравнительном аспекте. В результате были выделены антропонимические изоглоссы имен со сходной или аналогичной семантической и словообразовательной структурой [Токмашев, 2005]. Путем сравнительно-сопоставительного анализа татарских и турецких личных имен в работе Хазиевой-Демирбаш Г. С., Биктагировой З. А. «Личные имена в татарских и турецких пословицах и поговорках» выявлены яркие национально обусловленные когнитивные концепты [Хазиева-Демирбаш, Биктагирова, 2012].

Большим подспорьем стала для нас работа якутского фольклориста Н.И. Филипповой «Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: Структура и семантика». Ею было проведено комплексное лингвистическое исследование имен персонажей олонхо и их структурно-семантический анализ. В результате были выявлены наиболее характерные лексико-семантические группы, образующие основу имен: названия небесных тел и природных стихий, зверей и птиц, масти и цвета, металлов и камней, образные и звукоподражательные слова, слова-характеристики и т.д. [Филиппова, 2013].

С точки зрения структуры, собственные имена персонажей олонхо обычно состоят из трех основных компонентов: эпитет (преномен), основное имя (номен), показатель (постномен) (родовой, социальный, возрастной и т.д.). Отличительными чертами природы эпических имен Н.И. Филиппова называет их формульность, описательную образность, конкретность и детализацию определений. Еще одним отличием олонхо является большое количество собственных имен и частотность их употребления [Филиппова, 2013: 24].

Во всех вышеупомянутых работах фольклоронимы представлены знаками культуры, являющимися ценностью этнокультурных особенностей народа и исторического развития его антропонимикона.

В последнее время малые фольклорные жанры, в том числе и загадки, рассматриваются как «гипертекст», который «позволяет с достаточной достоверностью установить алфавит модели мира и ее существенные черты, вплоть до свернутых мифологических сюжетов и мотивов» [Цивьян, 1993: 119]. Согласно В.Н. Топорову, Т.Я. Елизаренковой, В.В. Иванову, «загадки возникли как вербализованный опыт интерпретации феноменов Макрокосмоса через антропоцентрические феномены бытия Микрокосмоса».

По словам В.В. Митрофановой, специфика загадки заключается в том, что она «пристально рассматривает отдельные предметы и явления, окружающие человека в повседневной жизни. Ни для какого жанра, кроме загадки, не представляет интереса простой сучок в бревне или доске, заслонка русской печки, оконное стекло, ледяная сосулька, ковш, иголка, ножницы и т. п. Загадка не только занимается всеми этими предметами, но умеет найти в них поэзию, включить этот будничный мир мелочей в такую яркую систему образов, что уже одним этим воспитывает в человеке стремление более пристально посмотреть на окружающий его мир, увидеть красоту в самых простых вещах» [Митрофанова, 1978: 43].

Словарь собственных имен А.В. Юдина стал первым опытом целенаправленного изучения ономастики белорусских, русских и украинских загадок, хотя многие авторы (В. П. Аникин, В. Н. Топоров и др.) затрагивали в своих работах ее проблемы. Богатый материал, собранный и систематизированный автором, расширяет представления о традиционной восточнославянской фольклорной картине мира [Юдин, 2007].

Ономастика якутских загадок специально практически не изучалась. Есть работа В.В. Филипповой «Якутские загадки: семантика и структура», в которой на основе системного анализа раскрыты ключевые образы «загадочного» текста, расшифрованы денотаты с помощью анатомического, числового и цветового кодов и проанализированы своеобразие звукописи и художественной организации паремий. В первой главе выявляются ключевые образы загадываемых предметов, классифицированные в виде культурных

кодов. Особую ценность для нас представляет параграф «Антропонимический код. Собственные имена в якутских загадках» [Филиппова, 2012].

Выявленные антропонимы В.В. Филиппова подразделяет на якутские прозвища, сказочно-мифологические имена и антропонимы, заимствованные из русского языка. Она отмечает, что прозвища часто состоят в паре с именами существительными, обозначающими родственные отношения, социальное положение, военный титул, род занятий. Кроме того, есть прозвища, в основе которых лежат образные слова, которые указывают на ряд признаков (физические недостатки, походку, цвет кожи, фасон одежды человека и т.п.). Сказочно-мифологические имена отражают мифопоэтическое восприятие мира. По историческим сведениям, якутские имена-прозвища, выполняя функции оберега, продолжали употребляться наряду с полученными при крещении русскими именами [Филиппова, 2012: 11-12].

Относительно специфики якутских антропонимов в загадках основополагающим следует признать положение, что в большинстве случаев имена являются «говорящими», потому что основой служат лексемы, несущие яркую эмоциональную окраску и выступающие средством мотивированной характеристики. Так, в загадках есть имена, образованные от образных слов или так называемых «картинных» слов. Эти антропонимы описывают анатомические особенности, физические недостатки, походку, цвет кожи, фасон одежды человека, то есть весь его внешний вид [Филиппова, 2012: 11].

Об образных словах как нельзя лучше написал А.Е. Кулаковский: «Якутский язык представляет верх совершенства в отношении описательности внешних форм предмета или лица. Для обрисовки внешности любого предмета или животного якут употребляет очень меткое, характерное слово, которое нельзя перевести ни на какой язык. Слово это тут же выдумывается говорящим только и единственно для данного случая. ...

Каждое такое слово рисует сразу несколько признаков предмета, выражая в то же время и движение объекта разговора. Весь непонятный и поразительный интерес заключается в том, что окружающие слушатели прекрасно понимают сказанное и моментально схватывают его смысл. Это доказывается интересом, возбужденным таким образом среди слушателей, или общим взрывом хохота» [Кулаковский, 1979: 385].

Для того чтобы проиллюстрировать «верх совершенства» образных слов якутского языка и не быть голословным, А.Е. Кулаковский приводит в качестве примера «первое попавшееся картинное слово» *боодоннообут*. Это слово выражает, по его словам, «целый картинный ряд представлений»: «Человек, к которому относится это определение, должен быть толстым с отвислым животом. Плечи, и вообще все члены его, должны быть короткие, толстые, округлые, иначе сказали бы *дааданнаабыт-бааданнаабыт*. Он должен быть с сознанием своего достоинства, иначе сказали бы *боччоһуйбут, болтоһуйбут*. Должен быть медлителен в движениях, иначе выразились бы *боодоннотолообут, болтохоччуйбут*. Должен ходить, переваливаясь с ноги на ногу, в противном случае, сказали бы *болтоннообут*» [Кулаковский, 1979: 386].

Кроме подобных максимально «говорящих» имен, встречаются имена, указывающие на определенные черты характера и / или поведение. Например, имя *Эңин Түөрэй* 'Всяко-Скользучка' в тексте о тени дает полную функциональную и внешнюю характеристику денотата, так как тень, действительно, сопутствуя всему живому и неживому, отражается-скользит по различным поверхностям: *Эңиңтэн хаалбатах Эңин Түөрэй баар үһү*. Говорят, Всяко-Скользучка от всячины не отстает.

Также, в якутских загадках есть «гибридные» имена, состоящие из русского заимствованного имени и якутского. Данный феномен обусловлен введением христианства и появлением православных имен. Однако, новое вероисповедание не может немедленно вычеркнуть из памяти ни культурных, ни языковых традиций. Народный языковой опыт стремится

сохранить антропонимические модели, и древние исконные и заимствованные имена сосуществуют наряду с теми, которые предписаны конфессией. Данное историческое явление нашло отражение и в загадках: *Tohopyia Миитэрэй* 'Дмитрий-Стукало' (*талах мас* 'посох'), *Сүппэт Бүөтүр* 'Неисчезающий Петр' (*күлүк* 'тень'), *Хончооруйа Сүөкүлэ* 'Фекла-Торчунья' (*хамса* 'трубка').

Некоторые исследователи, говоря о лингвистических особенностях загадок, считают, что употребление антропонимов, чаще всего, вызвано требованиями звуковой организации текста. Например, Ю.И. Левин полагает, что «рифменная структура накладывает довольно жесткие ограничения на подбор слова, замещающего загаданное, и может потребовать введения произвольного слова, например, имени собственного»: *Варвара выше амбара* (скворечня) [Левин, 1978: 293]. Он называет это «принципом компенсации семантики фонетикой». При преобразовании описания загаданный объект часто замещается произвольным словом П – [П]. Имеется тенденция, чтобы при такой замене замещающее слово рифмовалось. Особенно явственна эта тенденция, когда [П] – имя собственное, т.е. максимально произвольное слово. Фонетическое богатство компенсирует семантическую произвольность (пустоту). Согласно Ю.И. Левину, такие загадки обладают фонетическим point'ом, но не внутренним, содержащимся в самом тексте, а внешним, основанным на фонетическом отношении между текстом и отгадкой [там же: 304].

Другим важным положением является вывод, что «имена собственные в загадках, как правило, выступают в качестве так называемых «заместительных номинаций» [Юдин, 2007: 9].

Одним из основных способов создания «заместительных концептов» в загадках является персонификация (антропоморфизация как ее разновидность). В качестве персоны, существа, в том числе обладающего «человеческими» признаками и нарекаемого определенным именем, могут быть представлены при загадывании практически любые явления и

предметы. Легко персонифицируются и антропоморфизируются светила и стихии, праздники и части тела человека, разнообразные постройки, наконец, бытовые предметы, причем даже те из них, которые обычно относят к категории «неподвижных», не говоря уже о «подвижных» [Юдин, 2007: 11; Филиппова, 2012: 11]. М. Л. Рыбникова писала, что в загадках предметы находятся в движении, говорят, действуют, трудятся. Действительно; топор в загадках «в лес идет», «кланяется», пила «ест и жует», лапша «сидит на ложке» [Рыбникова, 1932: 24 – 25].

Основанием для этого, по мнению А.В. Юдина, служат широко распространенные и многократно описанные исследователями представления об антропоморфности домашней утвари, которые представлялись изоморфными человеческому телу [Юдин, 2007: 11].

Почти все загадки строятся по описательному принципу. Некоторому «ложному концепту», замещающему скрытый, приписывается набор атрибутов, функций, локусов и т.п., как будто бы призванный навести отгадывающего на мысль о правильном ответе. Впрочем, А.В. Юдин предполагает, что нередко, впрочем, дело обстоит как раз наоборот: существует множество загадок, которые намеренно стараются навести «новичка» на неверный, часто скабресный смысл [Юдин, 2007: 11].

Таким образом, на основе проведенного обзора можно утверждать, что хотя в фольклористике накоплен огромный опыт в изучении антропонимов, все же существуют «белые пятна» в некоторых направлениях. В якутском фольклоре комплексному анализу подверглись имена персонажей олонхо. ИС в загадках исследованы не так детально, хотя были рассмотрены отдельные вопросы, касающиеся их происхождения, семантики и роли в фонетической организации образной части загадки.

Специфика жанра в фольклоре создается как особенностями художественного изображения действительности, так и тем, какие явления становятся объектом этого изображения. Всякий жанр народного творчества отражает свой круг исторической деятельности людей, имеет свои темы,

сюжеты и ситуации, изображает их согласно своим, только ему присущим законам. Это отличает его от других жанров, создает его своеобразие [Митрофанова, 1978: 43].

Тексты загадок отражают национальное своеобразие, которое проявляется, в том числе, и в плане выражения, и в плане содержания ИС. Загадки отражают реликты мифологического мышления. Природные и культурные объекты персонифицируются. Им приписываются одушевленность, разумность, человеческие чувства, внешняя антропоморфность.

2. СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ АНТРОПОНИМОВ В ЯКУТСКИХ ЗАГАДКАХ

2.1. Семантическая классификация ИС

Анализ загадок с компонентом именем собственным показал, что больше всего загадок посвящено животному миру (63), жилищу и предметам быта (58), орудиям труда, охоты и промысла (50), а также природе и природным явлениям (41). Из диких животных чаще всего в загадках встречаются звери, имеющие хозяйственно-промысловое значение или, наоборот, приносящие вред хозяйству, т.е. те, повадки и образ жизни которых хорошо знакомы якутам.

Хара тыаба Мэргэнэ хара баар үһү (тайах кыыл). ‘Говорят, в темном лесу черный Мэргэнэ-удалец есть (сохатый)’.

Орон анныгар дьиэлээх Сургулла түөкүн баар үһү (кутуйах). ‘Говорят, вор Сургулла-Шустряк под кроватью обитает (мышь)’.

Много загадок посвящено домашним животным, т.е. касаются скотоводства и коневодства.

Ааттаах киһи атаһа, дьоллоох киһи доборо Аан түөрэй бухатыыр баар үһү (ат көлө). ‘Говорят, есть богатырь Аан Терэй-Перевалочка – друг почтеннейшего, приятель счастливейшего (рабочая лошадь)’.

Другой характерной темой якутских загадок является охота, рыболовство и хозяйственная деятельность. В них наглядно показаны предметы охоты, способы промысла, орудия труда. Значительное количество описывает предметы в действии.

Махчахаан обонньор махчас гыммыт (Махчахаан махчайбыт), сытыы кустук ырдас гыммыт (супту сүүрбүт) үһү (иитиллибит айа). ‘Как только старик Махчакан-Коротыш присел (Махчакан-Коротыш приседает– острая радуга вскинулась (насквозь прошла-пролетела) (настороженный лук-самострел)’.

Таас тингилэхтээх, түү уллунахтаах Сунг Нуобай бухатыр баар үһү (илим, мунха хотобоһо тааһа). ‘Говорят, у богатыря Сунг Нуогай пята – каменная, подошва – берестяная (поплавок и грузило сети, невода)’.

Килэбэгэ Чукуруйаны тиһигэр охсубутугар, кыым ыһыыллыбыт (хатат, чокуур икки). ‘Когда Блескун дал в зубы Трескуну, то искры рпссыпались (огниво и кремь)’.

Бэкэлэһэни Чабылыһа сырайын таһыйан кэбиспит, онуохаба кыыһыран Бэкэлиһэ сэриитин кыппыт үһү (хататынан хотууру сытыыланыы, от охсуу). ‘Сверкун-Чагылыс по лицу ударил Бэкэлис-Тонкостанного, а тот войско перебил (заточка косы, косьба)’.

Немало загадок, посвященных жилищу и утвари.

Онгойон-чонгойон уораан хара уол, эрийэн-буруйан иштиэх хара кыыс баар үһү (кытыйа, хамыйах). ‘Есть, говорят, чумазий Кругляш-увалень да девчушка-чернушка Вертунья-Вострушка (деревянная чашка, ложка)’.

Күндүөбэй күөх күтүөттээх, Кыһылыка кыыстаах Ходьойдоон хотун баар үһү (оһох бэйэтэ, холумтана уонна хорото / аан, оһох уонна буруу). ‘Говорят, есть госпожа Ходжойдоон-Длиннуля с дочерью Кысылыкой-Краснулей, с зятем Синей Кондевкой (печь, предпечник и труба / дверь, печь и дым)’.

Также имеется достаточное количество загадок о природе и природных явлениях.

Хара Дьабылыман сүөһүтүн үрүн Дьабылыман былдьыыр, үрүн Дьабылыман сүөһүтүн хара Дьабылыман былдьыыр (халлаан сырдыыра уонна харангарара). ‘Говорят, у темноликого Джагылыман-Пеструна скот белоликий Пеструн отнимает, а у белоликого Пеструна темноликий отнимает (рассвет и закат)’.

Бэдэр сабыннахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин баар үһү (көмнөхтөөх тиит). ‘Говорят, старушка Бэйбэрикян-коротышка в рысью доху рядится (деревья в снегу)’.

Якутским загадкам, как и загадкам других народов, например, карельским, коми, свойственна формульность. С.Г. Низовцева пишет, что одни формулы предваряют текст загадки Коми, являются своеобразными зачинами. Они не влияют на отгадывание, но организуют сам процесс загадывания [Низовцева, 2017: 38]. Ойунская не использует термин “формульность”, но тоже отмечает, что «загадывание начинается с традиционного зачина: *Таабырын төрдө там-татахай баар үһү. – Есть, говорят, корень всех загадок там-татакай (клей)*. Такой зачин цементирует, связывает все звенья в единое целое [Ойунская, 1975: 11].

По происхождению антропонимы подразделяются на якутские (305), заимствованные (20) и смешанные (30).

Якутские именованья представляют собой языческие имена, которые постепенно были вытеснены христианскими именами и «превратились в прозвища» [Сафронов, 1985: 4]

Среди заимствованных можно указать имена, пришедшие из русского языка в связи с христианизацией якутов в XVII в: это православные личные имена (*Аана / Ааныска, Огдооччуйа, Миитэрэй, Бүөтүр* и т.д.) в якутской транслитерации. Особо нами выделены библеизмы (*Адаам, Ной*): *Адаам арбаҕаһа алдьанар, Ной сукуната суулар (сэбирдэх, мутукча)*. ‘Адамова доха рвется, Ноево сукно протирается (хвоя и листья)’.

В частности, календарные отражают традиции, обычаи и приметы, связанные с тем или иным днем: *Миитэрэй (Миитэрэйэ) муосталыыр, ону Ньукуола (Ньукулаайа) көтүрэн кэбиһэр (көтүрэр) үһү (уу тоноро, ирэрэ)*. ‘Говорят, Дмитрий (Дмитриев) мостит, а Никола (Николин) разбирает (замерзание и таяние водоемов)’.

В данной загадке ИС отличаются конкретностью. По христианскому календарю Дмитриев день – 26 октября ст.ст. (7 ноября), а Николин день – 8 мая ст.ст. (22 мая). По якутским наблюдениям, Дмитриев день – пора осеннего ледостава, а Николин день – время ледохода.

Чопчу саба ньяассын куораттаах уордаах Ылдьаас баар үһү (ыгырыа, тигээйи, кинилэр уйалара). ‘Говорят, у грозного Ильи пушистый городишко величиною с шишечку (пчелы, осы, соты)’.

2 августа – день пророка Ильи. В славянской народной традиции это – повелитель грома, небесного огня, дождя, покровитель урожая и плодородия. С этим днем было связано множество календарных и хозяйственных примет. По одной из них, в Ильин день перегоняют пчел, подчищают ульи, подрезают первые соты, готовясь к наступлению зимы. Антропоним эксплицирует денотат, создавая систему определенных временных координат.

Ырыаһыппынан сүрдээхтин, Борокуоппайка тиийэн, тылым чороччу тардан хаалар диир баар үһү (кэбэ). ‘Я как певунья знаменита, но Прокопьев день наступает – язык мой присыхает (кукушка)’.

Прокопьев день – по церковному календарю 8 (21) июля. По народным приметам, именно с этого дня перестает куковать кукушка, подавившись колосом, следовательно, наступает пора сельскохозяйственных работ.

Названия христианских праздников персонифицированы и отождествляются с самими святыми. Они наделяются признаками, характерными скорее для описания живых существ, чем календарных дат. Антропонимы включаются в предикативные структуры в роли субъекта или временного модификатора и выполняют функцию конкретизации, непосредственно указывая на денотат загадки, т.е. временной промежуток, обозначенный именем святого.

В некоторых текстах использование заимствованных антропонимов объясняется, по словам В.В. Филипповой, точным переводом русской загадки. Таковы загадки о грибе: ‘Стоит Антошка на одной ножке’ [Садовников 1959: 166] = *Онтоон огонньор аңаар атахтаах* [Ойунская 1975: 88]; о двери и печи: ‘Широкая-широкая Катерина да толстая-претолстая Софья/Дарья’ [Митрофанова 1968: 106] = *Кэтит-кэтит Кэтириинэ, суон-суон Суоппуйа/Даарыйа* [Ойунская 1975: 230]; курице: ‘На белой горке

Маланья и живых, и мертвых сторожит' [Митрофанова 1968: 42] = *Маңан хайа үрдүгэр Малаанья өлбүттэри, тыыннаахтары маньыр* [Филиппова, 2012: 31-32].

Смешанные именованья состоят из якутского прозвища и заимствованного имени. Известно, что после принятия христианства якутские имена-прозвища продолжали употребляться наряду с полученными при крещении русскими именами. В документах 18 – 22 века, как отмечает А.И. Рудных, встречаются факты «сосуществования» обоих имен у якутов, к примеру: «...Немедленно представить по прилагаемой форме списки о ... старостах... Василии Бобровском (Кулгах); инородцах... Максиме Степанове (Харанай)... Николае Винокурове (Муна)...» (из предписания Верхоянского окружного исправника от 7 декабря 1881 г. [Филиппова, 2012: 30-31]).

Данное историческое явление нашло отражение и в загадках: *Тохоруя Миштэрэй* 'Дмитрий-Стукало', *Хончооруя Сүөкүлэ* 'Фекла-Торчунья', *Уһун Мурун Куома* 'Фома-Длинный нос', *Чохоочу Сүөдэр* 'Федор 'Выпуклый затылок', *Сирилиир Сэмэн* 'Семен-Гуделка'.

В соответствии с именуемым объектом нами были выделены две основные категории имен собственных: антропонимы и мифонимы.

Среди последних встречаются в единичных случаях теонимы (*Сун хаан*, *Улуу тойон*, *Одун хаан*, *Сүгэ тойон*). Это можно объяснить тем, что у многих народов, в том числе якутов, существовал запрет на упоминание имен великих и грозных божеств. В целом, их наличие, вероятнее всего, связано с отражением древних религиозных верований (культ божеств айыы) в фольклорной картине мира.

По признаку, лежащему в основе номинации, антропонимы можно разделить на шесть групп. Самую большую группу составляют имена-дескриптивы, которые описывают человека по внешним параметрам.

1. Внешний вид:

- рост – *Турантай* 'Длиннуля', *Ходьойдоон* 'Длиннуля', *Догдолуун* 'Коротыш', *Лэкэ* 'Коротыш', *Тойбохоон* 'Коротыш', *Дуодаах* 'Коротыш',

Суодалла хара бухатыр богатырь Суодала Хара-Громадина, *Даарда уоруйах* тать Дарда-Громадина, *Даркы уоруйах* тать Даркы-Великан, *Оргоолой обонньор* старик Оргоолой-Длиннуля, *уһун Уйбаан* Иван-длиннуля, *Лэппэй Дьөгүөр* Егор-Коротышка, *Тутум түөкүн* вор Тутум-Коротыш, *Көкөөннөй обонньор* старик Кекеней-Высокий

- осанка – *Кээдэрикээн эмээхсин* ‘старуха-Выгибуха’, *Бокорукаан обонньор* ‘старичок Бокурукан Крючок’, *Бөкчөрүкээн обонньор* старик Горбун, *Кэдэкээн ойуун* шаман Кэдэкэнэ-Выгнутый, *Улугуһун-Дьылыгыһын эмээхсин* старуха Стройнуля-Длиннуля, *Мохчоохоон обонньор* старик Мохчоохоон-Сутулко, *Ньохчоохоон обонньор* старик-Горбунок

- фигура телосложение – *Томтобой* ‘Выпукляк’, *Хаптабай* ‘Плосконя’, *Дара уоруйах* Широкоплечий Дара-тать, *Хончоойу* ‘Тонкостанный’; *Доодохоон обонньор* старик Додохон-Толстопуз, *Додорукаан обонньор* старик Додорукан-Пузач, *Бэкириһэ кулуба* голова Бэкэрис-Тонкий, *Бэкэлэс* Бэкэлис-Тонкостанный, *Бэкириһэ кинээс* князец Тощуля, *Эпсэнэ эмээхсин* сухопарая старуха Эпсэнэ, *Нахтаахаан обонньор* старик Нахтаакаан-Приземистый, *Хаптаахаан* Хаптаахан-Плоскогрудый, *Хоппойо* Хоппойо-Выпуклый, *Ходьооруя* сүрүк бегун Ходжоруйа-стройный, *Көөдөкөөн обонньор* старик Кедекен-Пузатый, *Быһа Быакатта* Обтянучка-перетянучка, *Адаарыйа бухатыр* богатырь Адаарыйа-Растопырка

- форма головы – *Көнө кэтэх* ‘Прямой затылок’, *Чохоочу Сүөдэр* ‘Федор - Выпуклый затылок’;

- лицо – *Малаарыс уол* ‘парень Маларыс-Круглолицый’, *Баллай* Баллай-Толстомордик

- глаза – *Күлтэс кинээс* ‘князь Пучеглаз’;

- нос – *Уһун Мурун Куома* ‘Фома-Длинный нос’;

- рот – *Дьобуллаҕас уос* ‘Округлый рот’;

- зубы – *Ордьоох Бүөтүр* Петр-Кривозуб

- волосы – *Силикиччийэ удабан* ‘шаманка Силикиччийэ-Растрепа’;

- шея – *Күөкэримэ* ‘Длинношея’, *Сэбэрээнэ куобай* ‘Сэбэрээнэ-Длинношея’, *Ырыа Ыгдаанай* ‘Ыгдаанай-Короткошея’;

- ноги – *Бэйбэкэлэр* Коротконожки, *Бойбоколор* Толстоножки, *Маадьах офонньор* старик Маджах-Кривоногий

- физические изъяны – *Иннэлгин* ‘Кривуля’, *Токулла офонньор* ‘старик Токулла-Кривобокий’, *Баакырдаан офонньор* ‘старик Баакырдаан-Криволапый’, *Суодьаах* ‘Хромоножка’; *биир атах Миитэрэй* Митрий-одноножка,

2. Физическая сила – *Хороннуур бэргэн* могучий Верзила, *Даадар бухатыыр* богатырь Могутка, *Дуолаан* Дуолан-силач

3. Характер. Эта группа представлена антропонимами, которые указывают на положительные и отрицательные черты характера, темперамент. Они могут иметь аксиологический компонент.

Чамаан ‘Хвастун’, *Алтахаан* ‘Тихоня’, *Элэкэнэ* ‘Доброта’, *Сэгэй удабан* ‘шаманка Сэгэй-Кокетка’, *Бакаанай* ‘Забияка’, *Киргистээн* ‘Вояка’, *Чолохоно* ‘бестолочь, бестолковый, суетливый’, *Эрэстиин боотур* ‘храбрый Эрэстиин боотур’, *Мэргэнэ* ‘удалец’, *Күлэр бөбө* ‘Хохотун-богатырь’, *Эргэлдьэргэл* ‘Непоседа’, *Мээрилээн офонньор* ‘старик Мээрилээн-Болтун’, *Мээрикээн эмээхсин* ‘старушка Мээрилээн-Болтушка’, *Сиргидэх уоруйах* ‘татья Сиргидэх-Негодяй’, *Тинсирики уоруйах* ‘татья Ищейка’, *Дээлэй эмээхсин* старуха ‘Дээлэй-Увалень’, *Мааны Баһылай* ‘Василий-щеголь’, *Айдаан куо* ‘Айдаан куо-Шумливая’, *Кэнсэ* ‘Кэнсэ-Крохобор’, *Ньамалаһа Маарыйа* ‘Марья-ворчунья’, *Мөкү Бэргэн* ‘Плохиш-Бэргэн’;

4. Движение: *Эрилингкэ* ‘Кружака’, *Тырыкынай* ‘Трепетунья’, *Көөчүөп* ‘Летун-бросака’, *Элээрбэ* ‘Порхун’, *Элэс* ‘Быстрый’, *Хаххыллар* ‘Проворнуха’; *Токоойун офонньор* ‘старик Токойун-Неуклюжка’, *Куобай-Нуобай кинээс* ‘князь Колыхун-Шелестун’, *Силибирэй уоруйах* ‘татья Силибирэй-Колыхун’, *Лохуй боотур* ‘богатырь Лосуй-Стукало’, *Симириискэй офонньор* ‘старик Смирский-Толкашкин’, *Хомуурускай офонньор* ‘старик Хомурский-Собиралкин’, *Чохчорукаан офонньор* ‘старик

Чохчорукан-Приседалка’, *Сургулла түөкүн* ‘вор Сургулла-Шустряк’, *Килэс-талас* ‘Мелькушка-Дразнила’, *Эгин Түөрэй* ‘Всяко-Скользучка’;

5. Звуковая характеристика: *Баллыгыраан* ‘Бормотун’, *Ордохоон* ‘Громоглас’, *Дырылаан* ‘Жужжелка’, *Тимир Дирилээн* ‘железный Дирилэн-Гудило’, *Тимир Тирилээн обонньор* ‘старикашка Железный Стрекоташка’, *Сибикинэ уоруйах* ‘тать Шептун’, *Силигинэй уоруйах* ‘тать Шелестун’, *Хаххаанай обонньор* ‘старик Скрипун’, *Либилики обонньор* ‘старик Либилики-Грохотун’, *Сирилиир Сэмэн* ‘Семен Гуделка’, *Дуораан* ‘Дуоран-эхо’;

6. Свето-цветовая характеристика: *Кылайаан* ‘Сверкун’, *Уот Чыккырыын* ‘Огневушка’, *Хара Уйбаан* ‘черный Ивашка’, *Чабылыына кинээс* ‘Князь Сверкун’, *Килэбэгэ* ‘Блескун’, *Эчикийэ Чуобуй* ‘Пестрота-пеструщая’, *Кыйтакы* ‘Краснуля’, *Кыһылыка кыыс* ‘дочь Кысылыка-Краснуля’, *хара Хоруодья* ‘Хоруоджа-Черномазый’, *Манган / Хара Киргиэлэй* ‘белый / черный Григорий’, *Кылабадаһын кыыс* ‘дева Кылагадасын-Блестящая’.

Особо хотелось бы отметить семантику антропонимов, имеющих образную основу, поскольку они рисуют многомерную, яркую картину денотата. По Л.Н. Харитонову, «образное слово – неизменяемое слово, с помощью которого выражаются образные представления о движении, внешнем виде предмета, а также его общем ощущении» [Харитонов, 1982: 263]:

- *Махчахаан обонньор* ‘старик Махчакан-Коротыш’ от *махчай* (обр.гл.) ‘с усилием тянуть, поднимать что-либо, упираясь широко расставленными и согнутыми в коленях ногами в землю’;

- *Мохчоохоон обонньор* ‘старик Мохчохон’ от *мохчой* (обр.гл.) ‘быть или казаться сгорбленным при маленьком росте, имея очень короткую шею’;

- *Көөдөкөөн обонньор* ‘старик Кедекен-Пузатый’ от *көдөй* (обр.гл.) ‘иметь большой отвислый живот (о высоком дородном человеке)’;

- *Аадаҥ бөбү* ‘Пузан-силач’ от *аадаҥ* (обр. сл.) ‘неповоротливый, медлительный, еле передвигающийся вразвалку’;
- *Көппөрөөк күтүөт* ‘зять Пухляк’ от *көптөй* (обр.гл.) ‘вздуться бугром, вспучиваться, пузыриться, казаться надутым, туго набитым’.

Последняя группа представлена антропонимами, которые являются произвольными или семантически пустыми. т.е. они не несут никакой информации об отгадке. В этом случае звукоряд загадки часто требует введения рифмованного слова. По мнению Ю.И. Левина, это – принцип компенсации семантики фонетикой, когда фонетическое богатство компенсирует семантическую произвольность [Левин, 1978: 304].

- *Огдооччуйа эмээхсин отут оболоох (ый хонуга)*. ‘У старухи Авдотьи тридцать ребят (дни месяца)’.
- *Огдооччуйа ойобоһуттан, Кэтириинэ кииниттэн быалаах үһү (халбан быата / тутааба)*. ‘Говорят, Авдотья – за бока, Катерина – за пуп привязаны (дверные ручки)’.

Как видно из приведенных примеров, якутские прозвищные имена состоят из нарицательных лексем с живой внутренней формой и обладают полноценным понятийным значением. Они имеют характеризующее значение, которое составляет ядро семантической структуры мотивированных имен.

В ходе работы нами была замечена своеобразная закономерность, присущая ИС в якутских загадках. Возвращаясь снова к “уже набившему оскомину вопросу” о наличии / отсутствии семантики у ИС, удобнее всего оказалось при анализе пользоваться терминами “семантический и фонетический point’ы Ю. И. Левина. Также необходимо напомнить, что ИС делятся на якутские, заимствованные и гибридные. Если принять, что X – это «семантический заряд» лексем, а Y – фонетический, то окажется, что ИС образуют градуальную оппозицию с точки зрения семантики. Подавляющее большинство якутских антропонимов характеризуется прозрачной внутренней формой и выразительной звуковой «аранжировкой», т.е. имеют

как семантический, так и фонетический point'ы. У заимствованных именовании, как правило, работает «принцип компенсации семантики фонетикой». Они являются «произвольными» именами, но обладают выраженным формальным фонетико-ритмическим началом. Гибридные имена занимают промежуточное положение между ними. Преномен, стоящий перед именем, придает определенный семантический заряд всему антропониму. Само же имя является семантически нейтральным, поскольку имеет затемненную внутреннюю форму.

Важно подчеркнуть, что ИС внутри каждой выделенной группы отличаются по степени выраженности того или иного признака. Существует непрерывная градация в семантической и звуковой организации загадки.

ИС	Пример	фонетический point	семантический point
1. Якутский	<p><i>Кылайан кыһа кылыа сылдан, кыппах ыһа сылдар үһү (этингнээх былыт).</i> ‘Говорят, дочь Кылайана-Сверкуна на одной ноге скачет и крупинки рассыпает-рассеивает (этингнээх былыт) (грозовая туча)’.</p> <p><i>Барба баайдаах Баай Байбарыын эмээхин баар үһү (сир баайа).</i> ‘Говорят, у старухи Баай Байбарин богатство неистощимое (богатство недр земли)’.</p> <p><i>Эргэл-дьэргэл экирии турарын ким да кыайан (булан) тутан ылбат үһү (дьэргэлгэн).</i> ‘Говорят, как Эргэл-джэргэл Непоседа заскачет-запрыгает, так его никто удержать-поймать не может (мираж, марево)’.</p> <p><i>Икки муостаах, алта атахтаах Адаарыйа бухатыыр кууллаах бурдугу соһо сылдар үһү (кымырдаҕас).</i> ‘Говорят, двурогий, шестиногий богатырь Адаарыйа-Растопырка мешок с мукой таскает (муравей)’.</p>	+	+

	<p><i>Брыалаах-тойуктаах Брыа Бгданай баар үһү (сахсырба).</i> ‘Говорят, Бгданай-Короткошея песни поет (муха)’.</p> <p><i>Кырбас кыһыйар кунга суох, кыһыылаах-аһылаах Кыппыйаан кыыс баар үһү (кумаар).</i> ‘Говорят, у зудливой-нудливой Кыппыйаан-девица и кусочка мяса не наскребешь (комар)’.</p>		
2. Заим ство ван ный	<p><i>Аана эмээхсин сонун абырабын кыайан абырахтаммат үһү (халлаан сулустара).</i> ‘Говорят, старуха Анна заплаты на шубе своей залатать не может (звезды)’.</p> <p><i>Огдооччуйа эмээхсин отут оболоох (ый хонуга).</i> ‘У старухи Авдотьи тридцать ребят (дни месяца)’.</p> <p><i>Отут оронноох Охонооһой обонньор баар үһү (ый хонуга).</i> ‘Говорят, у старика Афанасия тридцать нар (дни месяца)’.</p> <p><i>Ньукулуку суруксут туох да кыайан аахпат гына сурук суруйар үһү (мас үөнэ).</i> ‘Говорят, писарь Николашка так пишет, что никто прочитатать не может (деревоточец)’.</p> <p><i>Манган хайа үрдүгэр Малаанья өлбүттэри, тыыннаахтары маньыр (куурусса сымыыт баттыыра).</i> ‘На белой горке Маланья и живых, и мертвых сторожит (наседка)’.</p> <p><i>Маарыйалар, Даарыйалар далбатаһа тураллар үһү (кыламан).</i> ‘Говорят, Марьи и Дарьи друг другу машут (ресницы)’.</p>	+	
3. Гиб рид ный	<p><i>Сүппэт Бүөтүр баар үһү (күлүк).</i> ‘Неисчезающий Петр есть, говорят (тень)’.</p> <p><i>Тойон обото Тохоруйа Миитэрэй, хотун обото Хончооруйа Сүөкүлэ баар үһү (тайах мас, хамса).</i> ‘Есть, говорят, сын почтенного – Дмитрий-Стукало,</p>	+	+

	<p>дочь почтеннейшей – Фекла-Торчунья (посох и трубка)’. <i>Уордаах Ородьумаан уотун отуннабына, халлаан ангарын хайа салыыр үһү (дбукээбил уота).</i> ‘Говорят, как только свирепый Ородиман (Радион) очаг разводит, так половина небес огнем пожирается-загорается (северное сияние)’.</p> <p><i>Ойуулаах сонноох Ордьоох Бүөтүр, бишлээх сонноох Биэкэс Бүөтүр (ообуй обус уонна кымырдабас).</i> ‘У Петра-Кривокуба шуба расшита, а у Петра-Тонкостана шуба приталена (паук и муравей)’.</p> <p><i>Уһун Уйбаан сүөһүтүн Уһун Мурун Куома сиэбит (тонсобой (киргил) мас, чөһөчөк үөнүн үөннээн сиирэ).</i> ‘Фома-Длинный нос пожрал скот Долгого Ивана (дятел, выколупывающий личинки насекомых на дереве)’.</p> <p><i>Күкүр иһигэр Күлтэс Боотур баар үһү (харах).</i> ‘Говорят, богатырь Пучеглаз в кормушке полеживает (глаза)’.</p>		
--	--	--	--

2.2. Структурный анализ антропонимов

Большинство исследователей выделяет два компонента в структуре загадок, но называют их по-разному. А. Дандес выделяют в загадке описательный элемент, состоящий из темы и комментария, а также референт, который должен быть отгадан [Дандис, 1978]. Э Кенгэс-Маранда отмечает такие составляющие, как образная часть и отгадка [Кенгэс-Маранда, 1978]. Ю.И. Левин разграничивает текстовую часть загадки (описание) и денотат, отгадку [Левин, 1978]. Е.А Денисова. использует термины энигмат («искомого» слова) и энигматор (описания загадываемого объекта) [Денисова, 2008]. Н.Г. Титова рассматривает семантическую структуру народной загадки с позиции взаимосвязи трех её компонентов:

загадываемого объекта, или денотата; замещающего, или кодирующего, объекта и так называемого «образа», описания, применительного к обоим объектам [Титова, 2011].

По структуре антропонимы в загадках делятся на простые и составные.

Простые антропонимы (70) состоят из одного компонента - антропонима: *Бүөтүр, Миитэрэй, Даарыйа, Кэтириинэ, Бойбоколор, Чабылыһа, Хантайаан.*

Среди **составных** (288) антропонимов мы выделяем двухкомпонентные и трехкомпонентные.

Двухкомпонентные именованья, в свою очередь, делятся на:

- онимы, имеющие в составе различные показатели (возраст, пол, социальный статус, военный титул): *Адаахаан обонньор*, 'старикан Адаахаан-растопырка' *Бэкириһэ кинээһэ* 'князец Тощуля', *Күлтэс кинээс* 'князь Пучеглаз';

- онимы, имеющие две однозначные части, каждая из которых имеет самостоятельное лексическое значение *Уу харах* 'Водяной глаз', *Күөгэл-нускал* 'Зыбун-смирняга', *Огдооруку-Чугдаарыкы* 'Непоседа-Крикуша'.

- онимы, которые состоят из эпитета и имени (18): *Сүппэт Бүөтүр* 'Неисчезающий Петр' (*күлүк* 'тень'), *Тохоруйа Миитэрэй* 'Дмитрий-Стукало' (*талах мас* 'посох'), *Хончооруйа Сүөкүлэ* 'Фекла-Торчунья' (*хамса* 'трубка');

Трехкомпонентные именованья состоят из составного онима, имеющего две части, каждая из которых может иметь или не иметь самостоятельное лексическое значение, и социального, военного или половозрастного показателя: *Куоубай-Нуоубай кинээс* 'князь Колыхун-Шелестун', *Дьагыһыйа-дьигиһийэ удабан* 'шаманка, что жужжит-дребезжит', *Тимир Дирилээн боотур* 'железный богатырь Дирилэн-Гудило', *Тимир Тирилээн обонньор* 'старикашка Железный Стрекоташка', *Баай Байбарыын эмээхсин* 'старуха Баай Байбарын'.

Составные ИС имеют маркеры, указывающие на возраст, пол, социальный статус, имущественное положение или род занятий.

Показатели ИС в загадках:

1. Социальный статус (39) – *хаан (2), саар, сарыысса, ыраахтаабы, тойон (7), хатын / хотун (2), кинээс (6), чарчыыната, кулуба, баай, ойуун (7), удабан (5), абабыт, суруксут (3);*.

Сүг хаан, Тырыкынай сарыысса, Дуодан ыраахтаабы, Майбары тойон, Хаптабай хатын, Бэкириһэ кинээһэ, Чабылыа чарчыыната, Бэкириһэ кулубаны, Дабадалыын баайтан, Догдоохоон ойуун, Силикиччийэ удабан, Ньюкулуку суруксут, Куоҕай-Нуоҕай кинээс, Дьагыһыйа-дьигиһийэ удабан.

2. Военные титулы (19) – *боотур / баатыр (11), бөбө (7), хара.*

Күлтэс Боотур, Табыгастай баатыр, Ааданг бөбө, Мэргэнэ хара, Тимир Дирилээн боотур.

3. Эпические титулы (26) – *бухатыыр (18), бэргэн (4), куо (4).*

Адаарыйа бухатыыр, Мөкү Бэргэн, Айдаан куо, Аан түөрэй бухатыыр,

4. Половозрастные (109) – *офонньор (59), эмээхсин (30), ийэтэ, абата, оҕо, кыыс (6), уол (6), күтүөт (5).*

Адаахаан офонньор, Дьааһылаан эмээхсин, Ийэтэ Чардаайы, абата Хончоойу, Мээчэй оҕо, Көлүйээн кыыһа, Догдолуун уол, Кээкэс күтүөт, Тимир Тирилээн офонньор, Баай Байбарыын эмээхсин, Уу Бигээлэ эмээхсин, Улугуһун-Дьылыгыһын эмээхсин, Иэбэчийэ-Куобачыйа кыыс, Күндүөбэй күөх күтүөттээх.

Большинство ИС (211) имеет гендерные показатели. Именования мужских антропонимов (160) включают: *офонньор – старик (59), абата – отец (1), ойуун – шаман (7), абабыт – поп (1), уол – юноша, сын (7), бөбө – силач (8), тойон – господин (7), кинээс – князь, родоначальник (6), кулуба – голова (1), баай – богач (1), саар – царь (1), ырахтаабы – царь (1), бэргэн – меткий стрелок, удалец (5), бэрт – удалец (1), сэриһит – воин (1), күтүөт – зять (5), суруксут – писарь (3), кылыһыт – прыгун (1). Женские*

именования (51) включают: *эмээхсин* – старуха (31), *ийэтэ* – мать (1), *кыыс/кыыһа* – девушка, дочь (7), *куо* – красавица (4), *удаҕан* – шаманка (5), *хотун/хатын* – госпожа (2), *сарыыса* – царица (1).

Одной из характерных особенностей данной группы является преобладание мужских лексем как в количественном, так и в качественном соотношении. Это косвенно может свидетельствовать об отражении патриархально-родового строя в паремическом фонде, когда “в руках глав рода сосредоточили скот, ценности и власть” [Алексеев, 1975: 95]. Более того, по словам Серошевского, главой якутской семьи, которому все подчинялись, как правило, был отец, старший брат или взрослый сын [Серошевский, 1993: 493].

Далее, необходимо отметить частотность эпитетов *обонньор* и *эмээхсин*. Филиппова В.В. в своем диссертационном исследовании объясняет данный феномен «двоичным характером отношения к старшим членам семьи. Стариков одновременно почитали и уважали, так как они являлись главами рода, но по причине их возрастных особенностей – ослабления физической силы и памяти (забывчивость, рассеянность) – над стариками часто посмеивались». В подтверждение она приводит поговорку, записанную Серошевским: «Чудак старик, слепец, делающий навыворот, обращающийся назад...» [Филиппова, 2012: 22-23].

Также, *обонньор* может быть названием высшего родового совета. Серошевский пишет, что “все вопросы решались миром, советом старейших, *огониор*: отцов, дядей, старших братьев. ... В прошлом эта собирательная власть была сильнее и совет старейших фактически распоряжался всем общинным богатством.” [Серошевский, 1993: 429].

Кроме того, существовало народное собрание или сходка, куда допускались все взрослые родичи. Немалую роль в них играли *сесены*, которые часто одновременно были и *тоенами*, а потому обладали огромным влиянием. Их чаще всего звали *стариками* – *огониор*. В преданиях их изображают беловолосыми, почтенными, многоопытными старцами, но не

всякий старик считался *сесеном*. Возраст не имел значения, *сесенами* могли быть и молодые. Главными качествами для получения этого звания были признанный ум, опытность и знание. [там же: 447-449].

Таким образом, в паремиях частотность эпитета *обонньор* - старик вполне может быть отголоском тех далеких времен, когда совет старейшин, носящий собирательное имя *обонньор*, играл главенствующую роль в жизни племени. Либо это может быть своего рода напоминанием о том, что на родовых собраниях ни один важный вопрос не принимался без одобрения *сесенов*, называемых чаще *обонньор*. которые пользовались особым почетом и уважением.

Среди мужских именовании мы встречаем многочисленные эпитеты, указывающие на военные титулы и звания. По нашему мнению, это может быть связано с тем временем, когда предки якутов, вынужденные регулярно отражать нападения соседних воинственных южных тюркских и монгольских племен, имели мобильные боеспособные отряды. Серошевский пишет, что «*уоллар* (парни) пасли и перегоняли табуны. Более взрослые и отборные ...*батыр* – *витязь*, *хосун* – *боец*, *барган* – меткий стрелок, бродили по тайге недалеко от стойбищ в поисках добычи. Эти воины образовывали ... в случае войны ядро военных отрядов – *сэри*. ... Их называли тоже: *багатыр*, *баатыр*, *батыр*, *ботур*, как приставка к именам былинных и сказочных героев. По-якутски это слово означает *доблестный, необыкновенно мужественный, смелый, сильный и ловкий* [Серошевский, 1993: 436-437].

«У каждого богатыря были воины, были товарищи, были прислужники: один седлал, другой зануздывал коня, третий носил его лук и стрелы... Были у него скороходы, были прыгающие на одной ноге, на двух, были стрелки и борцы...» [там же: 431-435].

Примечательно, что в якутских загадках мы можем найти почти все перечисленные выше эпитеты: богатырей - *бухатыыр*, *баатыр/боотур*, воинов – *сэриинит*, товарищей – *уол*, скороходов – *сүүрүк*, прыгающих на одной ноге – *кылыыһыт*, стрелков – *бэргэн*, борцов – *бөбө*, а кроме того,

военачальников – *тойон* и удальцов – *бэрт*. Вероятно они являются отражением некогда существовавшей архаичной военной организации якутов в коллективной памяти народа.

Отдельного внимания заслуживают загадки, в которых антропонимический компонент имеет образную семантику и сформирован на основе образных слов, которые “являются излюбленным стилистическим средством живого народного языка” По Л.Н. Харитонову, «образное слово – неизменяемое слово, с помощью которого выражаются образные представления о моментально возникающем движении и внешнем виде предмета, а также общем ощущении предмета» [Харитонов, 1982: 263].

В основе семантики образных слов лежат чувственные представления и они «воспроизводят целую картину или сложное ощущение». Многие образные слова восходят к звукоподражательным словам. Наиболее типичным является переход от звукоподражания к представлениям о движении и физических свойствах предмета. И те, и другие являются изобразительным средством эмоциональной речи, но семантическое значение образных слов значительно сложнее и ярче. По своей семантике образные слова разделены на две категории: те, в основе которых лежит зрительный образ и те, в основе которых находится чувственное восприятие [там же: 370].

Как пишет Харитонов, «образные определения, метко охватывающие характерные внешние особенности человека, нередко превращаются в прозвища: *Кыпсыык Уйбаан* (от образного слова *кыпсык гын* ‘внезапно прижать ноги друг к другу, или руки к туловищу’). Особенно часто ими пользуются для характеристики внешности человека, его телодвижений, привычной манеры» [там же: 267].

Анализ антропонимов показал, что образные имена в загадках близки по свойствам к якутским прозвищам. Они подсказывают денотат загадки, указывая на его признаки в яркой образной форме. Опираясь на классификацию образных слов в “Грамматике современного якутского

литературного языка» нами был сделан вывод, что большинство образных антропонимов в сборнике С.П. Ойунской передают комплексный зрительный образ, отражая представление о движении, внешнем виде, форме, свете или цвете двигающегося предмета. Есть также небольшое количество загадок с антропонимическим компонентом, передающим чувственное восприятие.

В соответствии с этим, нами выделены следующие виды антропонимов зрительного образа:

1. Антропонимы, выражающие представление о движении.

а) представление о моментальном мгновенном движении: *элэс (гын)* мелькнуть тенью, *сур (гын)* умчаться на большой скорости, оставляя за собой впечатление прямой линии.

Элэс боотур эргийэн туран бырааттарын аһылык гынар (аһылыктанар) үһү (мохсобол). ‘Говорят, Элэс-быстрый порхает-летает да братьев своих в еду превращает (сокол)’.

Орон анныгар дьийэлээх Сургулла түөкүн баар үһү (кутуйах). ‘Говорят, вор Сургулла-Шустряк под кроватью обитает (мышь)’.

К этой же подгруппе относятся антропонимы, в основе которых лежит образ или действие, возникающие внезапно, но продолжающие существовать в течение определенного времени. В таких случаях отмечается моментальность начала явления.

Бэлтөс оболоро бэйэлэригэр майгыннаабаттар үһү (төбө). ‘Говорят, дети Белтес-Кругляша на него не походят (голова)’.

б) представление о движении тела, частей тела человека и животных, а также о внешнем виде, образе двигающегося предмета:

Среди этой подгруппы образных антропонимов есть те, которые выражают простые действия, не осложненные побочными зрительными представлениями: *чохчос гын* ‘присесть на корточки мгновенно’.

Чохчорукаан обонньор суолугар Чахчарыкаан кэлэн түспүт үһү (сылгы, ынах сүөһү, таба кыыл олуга). ‘Говорят, на путь-дорожку старца

Чохчорукана-Приседалки старик Чахчарыкан-Припадалка упал-свалился (следы лошадей, коров, оленей)’.

Суолга хара Хантас (капкан). ‘На дороге черный Хантас-задира стоит (капкан)’.

2. Антропонимы, характеризующие внешний вид, форму и структуру предмета: *адаар* ‘торчащий в разные стороны, выступающий остроконечными пиками’.

Икки муостаах, алта атахтаах Адаарыйа бухатыыр кууллаах бурдугу соһо сылдьар үһү (кымырдабас). ‘Говорят, двурогий, шестиногий богатырь Адаарыйа-Растопырка мешок с мукой таскает (муравей)’.

Сүһүөхтэринэн харахтаах Адаахаан оһонньор баар үһү (ообуй обус уонна ситим). ‘Есть, говорят, старикан Адаахаан-растопырка с глазами на суставах-сгибалках (паук и паутина)’.

3. Антропонимы, характеризующие цвето-световые представления. Они представляют собой производные аналитических форм глаголов: *кылап*, *кылапыс (гын)* ‘вдруг сверкнуть’, *сандаарыс (гын)* ‘вдруг вспыхнуть ярким светом’.

Кылайаан кыыһа кылыһа сылдьан, кыыппах ыһа сылдьар үһү (этингнээх былыт). ‘Говорят, дочь Кылайана-Сверкуна на одной ноге скачет и крупинки рассыпает-рассеивает (грозовая туча)’.

Хара бэкир хамначчыттаах, манган тулук уоллаах Сандаарыйа лаглардыыр баар үһү (сылабаар, сойутар, сыпсы). ‘Говорят, есть Светлоликий-Лаглардыр с сыном белым снегирем да с черноликим рабом (самовар, заварник, щипцы)’.

Имеются антропонимы чувственного восприятия, характеризующие психофизиологическое состояние: *дьыгис* ‘вдруг вздрогнуть или дрогнуть всем телом от неожиданности, страха, холода’.

Дьагыһыйа-дьыгиһийэ удабан баар үһү (иистэнэр массыыына). ‘Говорят, есть шаманка, что жужжит-дребезжит (швейная машинка)’.

В загадках образные антропонимы занимают весьма заметное место, являясь национально-специфический фрагментом языковой картины мира. Как мы видим, антропонимы, произведенные на основе образных слов, служат украшением загадок и придают им особую живость и образность.

- Половина (50,5%) отглагольных антропонимов представляет собой производные от образных глаголов:

- - *Бойбоколор* ‘Толстоножки’ (*ыт атахтара* ‘собачьи лапы’) образовано от *бойбой* ‘казаться маленьким, толстеньким и пухленьким’ [БТСЯЯ, Т. 2, с. 369];

- - *Бэйбэкэлэри* ‘Коротконожки’ (*ыт атахтара* ‘собачьи лапы’) – от *бэйбэй* ‘быть, казаться низкорослым, коротконогим и пушистым’ [БТСЯЯ, Т. 2, с. 837];

- - *Мээтис* ‘Выгибалка’ (*сылгы, ынах сүөһү, таба кыыл олуга* ‘следы лошадей, коров, оленей’) от *мэтэй* ‘выдаваться вперед, выпячиваться, выдаваться (о груди)’.

- Основным способом номинации простых антропонимов является морфологический, т.е. аффиксальный.

2.3. Функции имен собственных

ИС в паремическом тексте имеют свою специфику и являются его важным элементом. Они участвуют в создании художественного образа, служат смысловой подсказкой, передают национальный колорит.

В загадках антропонимы часто выполняют **формальную** функцию. Звуковая оболочка имени может служить средством формальной организации паремии, задавая ассонанс и/или аллитерацию, которые скрепляют текст на фонетическом уровне. Таким образом, ИС органически вплетаются в звуковую ткань загадки и создают ее особое фонетико-ритмическое оформление.

Муос сонноох Мохчоохоон оѳонньор баар үһү (собо). ‘Говорят, есть старик Мохчоохоон-Сутулко в костяной шубейке (карась)’.

Отут оронноох Ордоохоон оѳонньор баар үһү (силис). ‘Говорят, старик Ордохон на тридцати ложах лежит (корни)’.

Кырбас кыһыйар куңа суох, кыһыылаах-аһыылаах Кыппыйаан кыыс баар үһү (кумаар). ‘Говорят, у зудливой-нудливой Кыппыйаан-девицы, и кусочка мяса не наскребешь (комар)’.

Ааныска эмээхсин сааһын тухары саал былаатын уура сатыыр, ону тэрээккэ маһа ылбат (көмнөөх хаар түһэрэ). ‘Старуха Аннушка весь век свой шалевый платок положить-повесить старается, да разлапистая-то не берет (опадание снега с деревьев)’.

Барҕа баайдаах Баай Байбарыын эмээхсин баар үһү (сир баайа). ‘Говорят, у старухи Баай Байбарин богатство неистошимое’.

Хоруо хара Хоруодья, хоноѳор-чоноѳор быһыылаах үһү (хара улар). ‘Есть, говорят, Хоруоджа-Черномазый, у которого горделиво-стройный стан (гдухарь)’.

Тангалайдаах ыаҕайа иһигэр Татыйааналар татыгыраһаллар үһү (ынах эмиийэ, синньэ). ‘Говорят, Татьяны тараторят в расшитом ведре (коровьи сосцы, вымя)’.

Благодаря использованию аллитерации текст загадки становится более звучным и образным. Звукопись, свойственная большинству жанров фольклора, в загадках проявляется гораздо ярче. В якутских загадках наиболее распространен прием аллитерации, проявляющийся в повторе одного или нескольких звуков, звуков разных частей или какой-либо одной части загадки.

Во-вторых, одной из основных функций ИС является **стилистическая**. В описательной части основным средством ее реализации выступает олицетворение (персонификация). Таким образом, окружающий мир, выступающий в роли денотата, наделяется антропоморфными признаками, что делает его более близким и понятным для детского восприятия.

Сүппэт Бүөтүр баар үһү ((күлүк). ‘Неисчезающий Петр есть, говорят (тень)’. *Миштэрэй муосталыыр, ону Ньукуола көтүрэр үһү* (уу тоңоро уонна ирэрэ). ‘Говорят, Дмитрий мостит, а Николай разбирает (замерзание и таяние водоемов)’.

Олицетворение в загадках часто сочетается с такими средствами художественного изображения, как метафора, антитеза, сравнение, гипербола, что придает каждой загадке неповторимую индивидуальность.

Большинство антропонимов, придуманных для обрисовки внешности загадываемого объекта, являются окказиональными и представляют собой очень меткое, специфическое слово. Они близки к прозвищам, потому что называют денотат по тому или иному яркому признаку, относящемуся к его форме, внешнему виду, функциям и характеру движения.

Такие антропонимы имеют апеллятивную основу и используют метафору как главный способ номинации. Метафоричность – их характерное свойство, с помощью которого один объект изображается посредством другого, имеющего с ним хоть какое-нибудь, даже отдалённое, сходство.

Можно выделить несколько основных признаков, по которым сопоставляются денотат и замещающий объект:

- внешний вид. В свою очередь данные антропонимы делятся на те, которые описывают денотат по форме и те, которые подчеркивают характер движения: *Иннинэн-кэннинэн сирэйдээх Кэдэрикээн обонньор баар үһү* (ыныыр). ‘Говорят, у старика Выгибалы – лицо сзади и спереди (седло)’. *Уһуу кутуруктаах Эрилингкэ сүүрүк баар үһү* (моботой). ‘Говорят, есть длиннохвостый бегун Кружака (бурундук)’.

В текстах паремий часто встречается образная фигура *Уһун Турантай* ‘долгий стояка, верзила, долговязый’ и т.д. Это прозвище, даваемое людям, отличающимся высоким ростом [Пекарский, 1958: 2840]. В загадках под этим именем фигурируют дерево с дуплом, дым, выходящий из трубы или человек. В основе этой метафоры, скорее всего, находится квалификативный признак высоты.

- производимый звук. *Кыыкыйдаан ойуун төгүрүк дьылба иккитэ кыыран илгистэр үһү (уу тонгоро, ирэрэ)*. ‘Говорят, шаман Кыкыйдан в году два раза камлает-беснуется (замерзание и таяние водоемов)’.

- цвето-световые представления. *Хоруо хара Хоруодьа, хонобор-чонобор быһыылаах үһү (хара улар)*. ‘Есть, говорят, Хоруоджа-Черномазый, у которого горделиво-стройный стан (глухарь)’.

Прием цветовой антитезы использован в загадке про рассвет и сумерки: *Хара Дьабылыман сүөһүтүн үрүҥ Дьабылыман былдьыыр, үрүҥ Дьабылыман сүөһүтүн хара Дьабылыман былдьыыр (халлаан сырдыыра уонна харангарара)*. ‘Говорят, у темноликого Джагылыман-Пеструна скот белоликий Пеструн отнимает, а у белоликого Пеструна темноликий отнимает (рассвет и закат)’.

Как пишет Л.Л. Габышева, в фольклорных текстах саха ахроматические цвета могут использоваться в прямом цветовом значении и обозначать природные явления [Габышева, 2009: 37-54]. Традиционные антонимы белый и черный играют на контрасте, обозначая признак наступления дня и ночи. Кроме того, цветовые эпитеты выражают универсальную оппозицию белый / черный, день / ночь как олицетворение дуальной мифопоэтической картины мира. Инверсия, присутствующая во второй части загадки, подчеркивает сменяемость суточных ритмов.

Поэтическая необходимость постоянно сопоставлять один предмет с другим заставляет загадку, наравне с метафорой, использовать художественный прием сравнения. Этот прием помогает живо, красочно передавать признаки денотата. Встречаются самые разные формы сравнения. Функции сравнений многочисленны. Их основная задача состоит в создании зримых чувственных образов: зрительных, слуховых, осязательных, обонятельных.

Присутствует в якутских загадках и сравнение: *Туос курдук кынаттаах халлааҥҥа Моторгоно кыланан эрэр үһү (кумаар)*. ‘Говорят, Моторгоно-Кругляшок с крыльями, что береста, в небесах пронзительно воеет (комар)’.

Также используется прием гиперболизации качеств и свойств загадываемых объектов, когда сравнительно небольшой по величине и насыщенности другими свойствами предмет отгадывания метафорически соотносится с несоизмеримо большим.

Чаан алгый саҕа бастаах, чааскы саҕа харахтаах, икки тэлэмэн туос кынаттаах, харыатаабыт анньыы саҕа тумустаах, киһи хаана утахтаах Дырылаан удабан баар үһү (кумаар). ‘Есть, говорят, человеческую кровь пьющая, шаманка Дырылаан-Жужжелка, с головой как большой котел, с глазами как чаша, с двумя огромными берестяными крыльями, с клювом как черная пещня (комар)’.

Описание изобилует гиперболическими сравнениями, представляющими синтаксический параллелизм. Антропоним Дырылаан создает звуковое сопровождение тропа, рисуя ужасный образ шаманки-абаасы, принявшей вид огромной птицы. Он является семантическим ключом к отгадке. Хорошо резонирующий сонорный *р* в корне *дыр* непосредственно указывает на непрерывный характерный зудящий звук комариного пения.

Другая часть окказиональных антропонимов построена на рифме на так называемом законе “гармонии гласных” и на аллитерации. Закон “гармонии гласных” гласит, что каждое якутское слово содержит или исключительно твердые, или исключительно мягкие гласные. Аллитерацией называется созвучие, состоящее в том, что два или три слова начинаются с одинаковых гласных или согласных [8, с. 452].

В тексте усовершенствованная аллитерация *Ба - баай - Баай - Бай* служит подсказкой, так как повторяет не только начальную букву, а всю звуковую основу денотата *баайа*. Выбор именованья тоже не случаен. ***Байбарыын*** происходит от *байбары*, перенятого и усвоенного якутами слова *фальбора – оборка, волан*. А в олонхо образ матери-земли сопровождается постоянным сложным эпитетом *аҕыс иилээх-саҕалаах – восьмибодная, восьмикрайняя*. Образ старухи в богатой одежде, украшенной оборками, накладывается на эпическое изображение земли и способствует отгадке.

В-третьих, антропонимы выполняют **характеризующую** функцию. Большое количество ИС могут быть охарактеризованы как «говорящие». Они обнаруживают тесную связь с производными основами и обладают прозрачной внутренней формой. Извлекая информацию из внутренней формы онима, отгадывающий имеет возможность понять намек на денотат, зашифрованный в имени.

Тыһыынчанан харахтаах Тырыкынай сарыысса баар үһү (сахсырба). ‘Есть, говорят, тысячеглазая царица Тырыкынай-Трепетунья (муха)’. *Тырыкынай* (гл.) ‘летать, трепеща крыльями’.

Муос сонноох Мохчоохоон обонньор баар үһү (собо). ‘Говорят, есть старик Мохчоохоон-Сутулко в костяной шубейке (карась)’. *Мохчой* (обр.гл.) ‘быть или казаться сгорбленным при маленьком росте, имея очень короткую шею’.

Икки муостаах, алта атахтаах Адаарыйа бухатыыр кууллаах бурдугу соһо сылдьар үһү (кымырдабас). ‘Говорят, двурогий, шестиногий богатырь Адаарыйа-Растопырка мешок с мукой таскает (муравей)’.

Элэс боотур эргийэн туран бырааттарын аһылык гынар (аһылыктанар(үһү (мохсобол). ‘Говорят, Элэс-быстрый порхаёт-летает да братьев своих в еде превращает (сокол)’.

Сир кыһа Силикиччийэ удабан баар үһү (сипшир). ‘Есть, говорят, дочь земли шаманка Силикиччийэ-Растрепя (веник, метла)’.

В качестве имени денотата могут использоваться “картинные” слова. Вследствие своей гибкости и образности каждое такое слово рисует сразу несколько признаков предмета, выражая в то же время и характер его движения.

В-четвертых, ИС присуща функция **аллюзии**. Так, прецедентные имена нередко служат своего рода подсказкой отгадки. Образ денотата возникает на основе привычного набора контекстов.

Одун хаантан оңоһуулаах окуо-токуо (оңоот-чоңоот мас) баар үһү. ‘Говорят, есть окуо-токуо (дерево корявое) с предназначением от Одун-хана (*биһик* ‘колыбель (зыбка)’).

Данная загадка пересекается с широко употребляемой в фольклорных текстах пословицей *Чынгыс Хаан ыйааҕа, Одун Хаан оносуута* ‘Указ Чынгыс Хаана и постановление Одун Хаана’. Пословицу употребляют тогда, когда желают выразить неизбежность рока или судьбы. В якутской мифологии *Одун Хаан* наряду с *Дьылга хааном* определяет судьбу ребенка при его рождении.

Ууга дьыэлээх улуу тойон баар үһү (үрүҥ эһэ). ‘Говорят, у величаво-важного тойона водяное жилище (белый медведь)’.

Использование имени одного из самых почитаемых и внушающих страх божеств в качестве заместительного именованья медведя свидетельствует об особенном отношении к этому зверю. По верованиям якутов, «мощный из мощных» духов-божеств *Улуу тойон* может перевоплощаться в хозяина леса и в образе громадного медведя с ревом пробегает по земле [Серошевский, 1993: 634].

Интересным приемом подсказки служит анаграмма, которая воспроизводит частично или полностью звуковой состав имени денотата. Анаграмматический повтор отражает связь формы и содержания.

Эргэл-дьэргэл экириии турарын ким да кыайан (булан) тутан ылбат үһү (дьэргэлгэн). ‘Говорят, как Эргэл-джэргэл-Непоседа заскачет-запрыгает, так его никто удержать-поймать не может (мираж, марево)’.

В слове *эргэл-дьэргэл* закодирован денотат *дьэргэлгэн*. Кроме того, апеллятивная основа *дьэргэй* ‘мелькать, мельтешить’ непосредственно намекает на семантическую сторону загадки.

Еще одним ярким примером может быть загадка *Күн сириҥ көччүтэр көрдөөх күндү ырыалаах Күөрэли эрилик баар үһү (күөрэгэй).* ‘Говорят, Керели эрилик солнечную землю радостным пением оглашает (жаворонок)’.

Звуки имени денотата *күөрэгэй* ‘жаворонок’ наполняют текст созвучными сочетаниями слов.

Значительная роль в паремиях отводится ономотопеи, содержащей звуковой облик отгадки. По мнению А.И. Гербстмана «звукоподражание в народной загадке играет весьма существенную роль и значительно богаче формами <...> оно выполняет функцию звуковой подсказки: тут и звукоподражание действию, присущему отгадке, и слову, обозначающему действие» [Гербстман, 1968: 195].

Лип-лип тибийэр, лап-лап табийар Либилики обонньор күнүн-түүнүн үлэшир, ханна да барбат үһү (часы). ‘Говорят, старик Либилики-Грохотун лип-лип постукивает, лап-лап похлопывает, днями-ночами работает да никуда не уходит (часы)’.

Выбор антропонима *Либилики*, образованного от звукоподражательного корня *лип*, играет существенную роль в нахождении отгадки. В сочетании с парными звукоподражательными словами *лип-лип, лап-лап* он способствует созданию акустики “идущих” настенных часов. Все вместе они “работают” на денотат, создавая размеренный ритм и немного глуховатый шум работающего часового механизма.

Биэс уон атахтаах Сирилиир Сэмэн баар үһү (испиискэ). ‘Говорят, у Семена Гуделки пятьдесят ног (спички)’.

Антропоним *Сирилиир* наводит на мысль о денотате (спичке), воспроизводя свистящий звук мгновенно вспыхнувшего огня с помощью корня *сир*, а наращение в виде аффикса *-лиир* подчеркивает некоторую продолжительность процесса горения спички.

Подводя итог, нужно сказать, что нередко ИС выполняют не одну функцию. Они могут передавать и звуковую подсказку, и аллюзию на денотат, а также служить средствами художественно-стилистического изображения загаданного объекта и формального скрепления паремического текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существуют разные определения загадки как жанра. Тем не менее, все исследователи единодушны в том, что она состоит из двух частей: образной части и отгадки (денотата). Происхождение загадок связывают с иносказанием, тайной речью, так как «у целого ряда народов были распространены специальные табуистические языки, применявшиеся во время охоты, рыбной ловли и связанные с представлением о том, что животные понимают обычный человеческий язык» [Юдин, 2007: 87]. Посредством ИС в якутских загадках обозначены разные классы денотатов. Самыми частотными являются животный мир (65), изба, постройки, предметы быта (52), явления природы (47) и орудия труда, охоты и промысла (44). Хотя тематически загадки всех народов очерчивают примерно одинаковый круг объектов микромира и макромира, культурно-национальное своеобразие проявляется в своеобразии конкретных загадываемых предметов.

По этимологии антропонимы подразделяются на якутские (305), заимствованные (20) и смешанные (30). Внутренняя форма якутских имен связана с осознаваемой говорящими мотивированностью семантики слова значением его апеллятивной основы. Заимствованные антропонимы представлены православными календарными именами в якутской транслитерации. Смешанные онимы образованы путем соединения якутского преномена и имени, данного при крещении.

Характерной особенностью якутских имен в загадках является наличие так называемых образных слов, которые присущи всем тюркским языкам. Яркой чертой их семантики является картинность и, вследствие этого, многомерность значения. На наш взгляд, широкое употребление образных слов вызвано их художественно-живописующей природой, что как нельзя лучше соответствует особенностям детского мышления и восприятия.

Нами был сделан вывод, что ИС образуют градуальную оппозицию с точки зрения семантики. Подавляющее большинство якутских антропонимов характеризуется прозрачной внутренней формой и выразительной звуковой «аранжировкой», т.е. имеют как семантический, так и фонетический point'ы. У заимствованных именованний, как правило, работает «принцип компенсации семантики фонетикой». Они являются «произвольными» именами, но обладают выраженным формальным фонетико-ритмическим началом. Гибридные имена занимают промежуточное положение между ними. Преномен, стоящий перед именем, придает определенный семантический заряд всему антропониму. Само же имя является семантически нейтральным, поскольку имеет затемненную внутреннюю форму.

Важно подчеркнуть, что ИС внутри каждой выделенной структурной группы отличаются по степени выраженности того или иного признака. Существует непрерывная градация антропонимов в соответствии с их ролью в семантической и звуковой организации загадки.

С точки зрения структуры, самым частотным именем является двухкомпонентный антропоним. Спецификой имен в загадках является широкое использование различных маркеров, указывающих на возраст, пол, социальный статус, имущественное положение или род занятий. В их числе присутствует безэквивалентная лексика *куо*, *удабан*, *ойуун*, а также военные титулы *бөбө*, *боотур*. Возможно, что в паремическом тексте в иносказательной форме отражена архаичная стратификация родоплеменной организации якутов.

Основная функция имен собственных – давать аллюзию на денотат загадки. Одним из средств подсказки служит метафоризация: *Сир кыыһа Силикиччийэ удабан баар үһү (сиптиир)*. 'Есть, говорят, дочь земли шаманка Силикиччийэ-Растрепя (веник, метла)'. Женский образ с растрепанными волосами как метафора помела или метлы есть и в русских загадках: *Кривой конь лезет в огонь, за ним туда же Федосья, растрепаны волосья (кочерга и*

помело). Такие метафоры общеупотребительны в устном народном творчестве.

Как правило, в основном загадки с компонентом антропонимом основаны на метафорах. Они, в свою очередь, антропоморфны, т.е. в центре находится образ человека. Антропоним является семантическим ядром описательной части паремии. Он подчеркивает характерные признаки денотата, таким образом помогая раскодировать объект загадывания. Некоторые антропонимы создают особое звуковое впечатление, акустический образ, который играет важную роль в расшифровке денотата.

Примечательно, что сказочно-мифологические антропонимы имеют огромную культурную значимость, так как являются прецедентными именами и отражают национальный колорит мифопоэтической картины мира.

<i>Үөскээбитин өрүү өйдөөбөт,</i>	‘Не помнит своего сотворения,
<i>Сыттым диэн сынньаммат,</i>	Лежит – не отдыхает,
<i>Утуйдум диэн уута хаммат,</i>	Спит – не высыпается,
<i>Сун хаантан төрүттээх</i>	от Сюнг хана род ведущая
<i>Тун бараан ийэ хотун баар үһү.</i>	Темноликая госпожа-мать’.

В этой космогонической загадке отражены традиционные мифологические представления якутов о создании вселенной высшими божествами. Одним из них является *Сун хаан*, бог грома.

В антропонимиконе якутских загадок отразились архетипы мифологического мышления, когда природным и культурным объектам приписываются одушевленность, разумность, человеческие чувства, а часто и внешняя антропоморфность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Саха таабырыннара. = Якутские загадки: сб. загадок / [сост., перев., предисл. и коммент. С.П. Ойунская]. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1975. – 375 с.

2. Литература

2.1. Алексеев, Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. / Н.А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1975. – 199с.

2.2. Аникин, В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Пособие для учителя. / В.П. Аникин. – М., 1957. – 240 с.

2.3. Биктимирова, А. Р. Лингвистическая и ономастическая поэтика татарских народных песен: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Биктимирова Айгуль Ринатовна. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. 25 с.

2.4. Большая советская энциклопедия. БСЭ / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М., 1972. – Т. 9 – 624 с.

2.5. Большая советская энциклопедия. БСЭ / гл. ред. Б.А. Введенский. – 2-е изд. – М., 1952. – Т. 16 – 671 с.

2.6. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983 – 224 с.

2.7. Габышева, Л.Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти / Л.Л. Габышева. – Новосибирск, Наука, 2009. – 143 с.

2.8. Гербстман, А.И. О звуковом строении народной загадки / А.И. Гербстман // Исторические связи в славянском фольклоре. Русский фольклор. – М. – Л.: Наука, 1968. – Выпуск 11. – С. 185-197.

2.9. Грамматика современного якутского литературного языка: в 2 т. / Е.И. Коркина, Е.И. Убрятова, Л.Н. Харитонов [и др.]. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

2.10. Дандис, А. О структуре пословицы / А. Дандис // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). – М.: Наука, 1978. – С. 13-35

2.11. Дарзаманова, Г. З. Фразеологические единицы и паремии с антропонимами в русском, татарском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Дарзаманова Гульназ Заудатовна. – Казань, 2002. 21 с.

2.12. Денисова, Е.А. Структура и функции энигматического текста на материале русских загадок и кроссвордов: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Денисова Екатерина Алексеевна. – М., 2008. – 27с.

2.13. Елизаренкова, Т.Я., Топоров, В.Н. О ведийской загадке типа brahmodya / Т.Я. Елизаренкова, В.Н. Топоров // Паремиологические исследования: сб. ст. – М.: Наука, 1984. – С. 14 – 46.

2.14. Катанов, Н. Ф. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым / представлено Акад. в заседании Ист.-филол. отд. 22 сент. 1887 г.; сост. Н. Ф. Катанов. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1888. 34 с.

2.15. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.

2.16. Кенгэс-Маранда, Э. Логика загадки / Э. Кенгэс-Маранда // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). – М.: Наука, 1978. – С. 249-282.

2.17. Керимбаев, Д. М. Состав и этнолингвистическая характеристика собственных имён казахского фольклора: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Керимбаев Даурен Маратович. – Алматы, 2004. 28 с.

2.18. Керимбаева, С. Е. Ономастическая экспликация мифологической модели мира в казахском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Керимбаева Сания Есенгельдиевна. – Алматы, 2004. 28 с.

2.20. Кулаковский, А.Е. Научные труды / А.Е. Кулаковский. – Якутск, 1979. – 484с.

- 2.21. Левин, Ю.И. Семантическая структура загадки / Ю.И. Левин // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). – М.: Наука, 1978. – С. 283 – 315.
- 2.22. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
- 2.23. Митрофанова, В.В. Русские народные загадки / изд. подгот. Митрофанова В.В. – Л., 1968. – 180 с.
- 2.24. Ненашева, Т.А. Коннотативная семантика референтно однозначного имени: монография / Т.А. Ненашева. – Н. Новгород, 2012. – 153 с.
- 2.25. Низовцева, С.Г. Поэтика загадок Коми: к вопросу о фольклорных формулах / С.Г. Низовцева // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017 - № 2. – С. 36-52.
- 2.26. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
- 2.27. Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка [Текст] / Акад. наук СССР. – 2-е изд. – Москва, 1958. – 3 т.; Т. 1: Выпуск 1-4. – 1280 стб.
- 2.28 Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка [Текст] / Акад. наук СССР. - 2-е изд. – Москва, 1958. – 3 т.; Т. 2: Выпуск 5-9. – 1281-2508 стб.
- 2.29 Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка [Текст] / Акад. наук СССР. – 2-е изд. – Москва:, 1958. – 3 т.; Т. 3: Выпуск 10-13. —2509-3858 стб.
- 2.30. Пермяков, Г.Л. К вопросу об основной функции народных загадок и их научной классификации / Г.Л. Пермяков // Паремииологические исследования: сб. ст. – М.: Наука, 1984. – С. 96-98.
- 2.31. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л.: Из-во Ленинградского ун-та, 1946. 340 с.
- 2.32. Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов / Под ред. П. Г. Богатырева. – М., 1954. – 536 с.
- 2.33. Рыбникова, М. А. Загадки. / М.А. Рыбникова. – М; Л.: «Academia», 1932. – 474 с.

- 2.34. Сафронов, Ф.Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири: историко-этнографический обзор и именник / Ф.Г. Сафронов. – Якутск: Кн. Изд-во, 1985. – 200 с.
- 2.35. Серошевский, В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования / В.Л. Серошевский. – 2-е изд. – М., 1993. – 736с.
- 2.36. Соколов, Ю. М. Русский фольклор (устное народное творчество). В 2 ч. Часть 1: учебник для вузов / Ю. М. Соколов. – 4-е изд., перераб. и доп.: – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 203 с.
- 2.37. Соколов, Ю.М. Загадка / Ю.М. Соколов // БСЭ. – 1-е изд.– М., 1932. – Т. 25. – 400 с.
- 2.38. Соловьева-Ойунская, С.П. Якутские народные загадки. Специфика жанра / С.П. Соловьева-Ойунская. – СПб: Наука, 1992. – 112 с.
- 2.39. Стеблин-Каменский, М.И. Спорное в языкознании / М.И. Стеблин-Каменский. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. – 142 с.
- 2.40. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
- 2.41. Титова, Н. Г. История и изучение народных загадок в отечественном и зарубежном языкознании / Н.Г. Титова // Современная филология: материалы межд. науч. конф. – Уфа, 2011. – С. 197-203.
- 2.42. Токмашев, Д. М. Антропонимы в героическом эпосе: Сравнительно-исторический аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Токмашев Денис Михайлович. – Новокузнецк, 2005. 220 с.
- 2.43. Толстой, Н. И., Толстая, С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории / Н.И. Толстой, С.М. Толстая. – М.: Институт славяноведения РАН, 2013. – 240 с.
- 2.44. Топоров, В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1974. – 342 с.

2.45. Топоров, В. Н. К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки) / В.Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике: Индоевропейские языки и индоевропеистика. – М., 2006. Т. 2. – С. 471-483.

2.46. Филиппова, В.В. Якутские загадки: семантика и структура: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Филиппова Варвара Васильевна. – Улан-Удэ, 2012. – 146 с.

2.47. Филиппова, Н. И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика. / Н.И. Филиппова. – Якутск, 2013. – 182 с.

2.48. Хазиева-Демирбаш, Г. С., Биктагирова, З. А. Личные имена в татарских и турецких пословицах и поговорках / Г.С. Хазиева-Демирбаш, З.А. Биктагирова // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2012. № 2 (40). С. 271-274.

2.49. Халыгов, Ф. Р. Фольклорная ономастика азербайджанского языка: автореф. дисс. ... д. филол. наук: 10.02.06 / Халыгов Фикрет Рамазан оглы – Баку, 2004. 55 с.

2.50. Цивьян, Т.В. О роли слова в тексте магического действия / Т.В. Цивьян // Славянское и балканское языкознание: Структура малых фольклорных текстов / Отв. ред. С. М. Толстая, Т. В. Цивьян. – М., 1993. – С. 111-121.

2.51. Цивьян, Т.В. Предисловие / Т.В. Цивьян // Паремнологические исследования: сб. ст. – М.: Наука, 1984. – С. 7-13.

2.52. Чичеров, В. П. Русское народное творчество. / В.П. Чичеров. – М., 1959. – 525с.

2.53. Эргис, Г.У. Очерки по якутскому фольклору / Г.У. Эргис. – Якутск: Бичик, 2008. – 400 с.

2.54. Юдин, А.В. Ономастикон восточнославянских загадок / А.В. Юдин. – М: ОГИ, 2007. – 120 с.